

25-го сентября 1928 г.

П Р А Г А

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

19

20

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

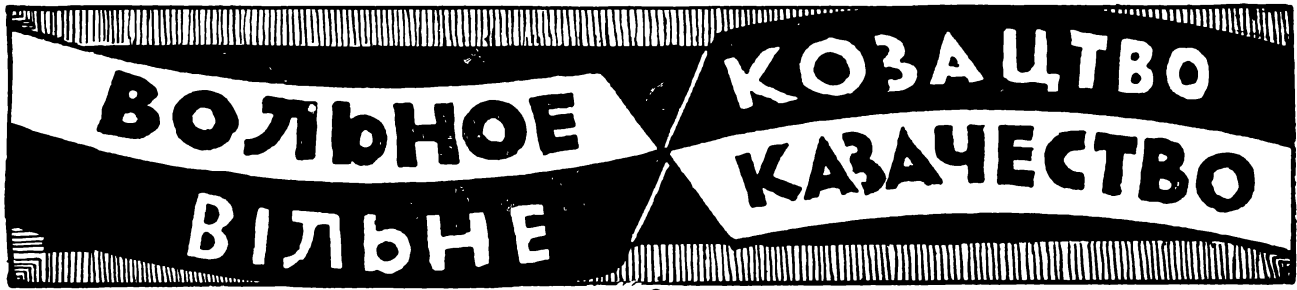
25-го вересня 1928 р.

П Р А Г А

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. *М. Забігайло*: До козаків-кубанців.
2. *А. Цалыккаты*: Мудрость ужа.
3. *П. Крюков*: * * * Стихи.
4. *Ф. Полк*: * * * Стихи.
5. *Сергей Makeев*: В борьбе за Родину.
6. *А. Кирьянова*: * * * Стихи.
7. *Любовь Самсонова*: Нечисть болотная.
8. *В. Петров*: Окружное.
9. *Гнат Макуха*: * * * Стихи.
10. *О восстаниях*.
11. *И. Билый*: Кавачьи Земли.
11. *Т. Стариков*: Булавинское восстание.
12. *Медарь Сем.*: Переселения Чорноморців на Кубань.
13. *Шамба Балинов*: Из истории Калмыцкого народа.
15. *Василий Вазагов*: Соседи Казачества.
15. *Вл. Куртин*: К Кубанскому Войсковому Празднику.
17. *С. Галданов*: Старая песня.
18. Кубань в большевицком зеркале.
19. Думы и мысли казачьи:
Первые!
Вбувайтесь, козаки, у свої чоботи!
Когда расходятся пути.
Козаки про „Вільне Козацтво“.
20. Казачья старина:
Из прошлого казачьих эмиграций.
21. Казачья эмиграция:
Из жизни казаков в Болгарии.
Письмо из Канады.
Письмо из Австралии.
22. В Казачьих Землях:
По вольным станицам. *Владимир К.*
Конец войны казаков с большевиками. *С. Фарапонов.*
Разное.

.....

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagelonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 19/20

Прага, вторник 25-го сентября 1928 г.

№ 19/20

М. Забігайло.

ДО КОЗАКІВ-КУБАНЦІВ.

Не знаю, хто такий ти, брате?
Усім ти кажеш, що — козак.
Ти кой-коли кубанку надіваєш,
Щоб добре знав про те усяк.

Може то й справді так!

А тільки, коли ти Кубань свою вже забуваєш
І, як обрятувать її, про те думок не маєш, —
Ти не козак!

Ти може командір — вояка був завзятий —
І ворогам своїм ти був на страх.
По празникам мундір ти надіваєш
І маєш на грудях воєнний знак.

Нехай то й справді так!

А тільки, коли ти Кубань свою вже забуваєш
І, як обрятувать її, про те думок не маєш, —
Ти не козак!

Ти може став багатий, гроші маєш;
І добре ти живеш, їси у смак;
І кой-коли братам потроху помагаєш,
За що і поважає тебе всяк.

То-ж добре, коли так!

А тільки, коли ти Кубань свою вже забуваєш
І, як обрятувать її про те думок не маєш, —
Ти не козак!

Ти може інженер, чужі дороги строиш
І в цих ділах великий ти мастак;
Своїм братам даєш ти скрізь роботу, —
Живе й годується там не один козак.

То дуже добре, коли так!

А тільки, коли ти Кубань свою вже забуваєш
І, як обрятувать її, про те думок не маєш, —
Ти не козак!

Хоч може ти писака дуже добрий,
Про всячину ти пишеш так і сяк;
А кой-коли в газетах натякаєш,
Як мучиться де-небудь брат-кріпак;

То все до-діла, коли так!

А тільки, коли ти Кубань свою вже забуваєш
І, як обрятувать її, про те думок не маєш, —
Ти не козак!

А може ти найкращий голос маєш
І став завзятійший од всіх співак;
І скрізь по світу тих пісень співаєш,
Які співа наш брат-козак.

То усе добре, як що так!

А тільки, коли ти Кубань свою вже забуваєш
І, як обрятувать її, про те думок не маєш, —
Ти не козак!

Чи може ти з конем копійку заробляєш,
Щоб цілий світ дізнався, який козак;
І на сідлі таке скрізь виробляєш,
Що страх бере усіх зівак.

Велике діло, як що так!

А тільки, коли ти Кубань свою вже забуваєш
І, як обрятувать її, про те думок не маєш, —
Ти не козак!

А може ти дурну завичку маєш;
День робиш, а вночі ідеш в кабак;
І, п'яний, там Кубанський гімн співаєш,
На глум і сміх чужих гуляк, —

Буває з нами й так!

А тільки, коли ти Кубань свою вже забуваєш
І, як обрятувать її, про те думок не маєш, —
Ти не козак!

Хоч може ти язик довгенький маєш
І, як балакаєш, усім даєш на-знак,
Що чисто все на світі добре знаєш,
Одно тільки забув, — що ти козак, —

Велике лихо, коли так!

Ну що-ж! Як що Кубань свою ти легко забуваєш
І, як обрятувать її, про те думок не маєш, —
Ти не козак!

.....

Ахмед Цалыккаты

Умер 2-го сентября сего года.

Мудрость ужа.

Это было давно, а когда — никто не знает. Жил в горах, в ущельи человек. Звали его Муса. А у него была жена, красавица Аминет. Жили, как все живут. В поте лица добывали хлеб свой. И были бы счастливы, если бы не было у них горя.

А горе то было большое.

Нет счастья в семье, где нет детей. Как хотели они иметь сына!..

И часто украдкой, со слезами на глазах, молила красавица Аминет Всемогущего Аллаха даровать ей сына.

Милосерден Аллах и услышал он мольбу бедной женщины.

Родила Аминет сына. И назвала его Ибрагимом.

Растет мальчик. Крепнет день ото дня и радуется сердцу родителей. Но, кто знает судьбу человека?! Кто может предсказать завтрашний день? Кто может прочитать, что написано в книге судеб, в книге жизни и смерти, которую носит с собой ангел человека от дня его рождения до часа кончины? За солнечным днем бывает пасмурно, а из-за туч выглядывает солнце.

Простудилась и умерла красавица Аминет. Опустела сакля Мусы. Большое горе постигло его. Но предаваться горю — не мужское дело. Погоревал — погоревал Муса, и принялся снова за свой тяжелый труд.

Плохо было только то, что приходилось Мусе оставлять своего сына в сакле, а самому уходить на работу.

Но в сакле Мусы издавна жило еще одно живое существо. И Муса и его покойная жена были привязаны к этому существу. В своем одиночестве они считали его членом семьи.

Существом этим был уж.

Казалось, уж полюбил маленького Ибрагима. Так дружно играли они вместе. И без страха оставлял Муса своего сына на попечение ужа.

Проходили дни, рос Ибрагим.

Однажды, уходя из дома, по обыкновению разостлал Муса на земле коврик, посадил на него сына и поставил перед ним чашку с молоком. И ушел на работу.

Вечером вернулся домой.

Едва переступил порог, как криком ужаса огласил саклю:

— Йа-Аллах!..

На коврике лежало бездыханное тело сына. Кинулся Муса к сыну. Схватил его на руки. Тряс и звал задышающимся голосом:

— Ибрагим, Ибрагим!

Но немые были уста ребенка. Не откликнулись они на отчаянный зов отца.

Посмотрел Муса на коврик и увидел опрокинутую чашку с молоком, кухонный нож и кончик хвоста ужа.

Взглянул снова на Ибрагима и тут только заметил на шее у него темную полосу, будто шея была перевязана синей узкой ленточкой.

Задумался Муса над загадкой смерти сына.

Долго думал, пока картина печального события не стала для него ясной.

Грустно помотал головой и сказал про себя:

— Так... Так...

Уж захотел полакомиться молоком, подполз к Ибрагиму, а тот, играя ножом, ударил им по полу и нечаянно отсек ему кончик хвоста...

В ярости уж задушил мальчика...

* * *

Дни шли за днями. Годы за годами. Лечит время горе человеческое. Залечилось и горе Мусы. Привык. Но к чему не мог привыкнуть Муса — к одиночеству. Все больше и больше томило оно его.

И решил он розыскать своего старого друга — ужа. Ходил по сакле и звал. Клялся, что забыл горе, которое ему тот причинил. Говорил, что все простил, что помнит только одну старую дружбу.

Но уж не откликался.

Так это повторилось несколько раз.

И вот, однажды, в ответ на призыв Мусы послышался голос:

— Что тебе нужно человек?

— О, наконец то, я нашел тебя! — воскликнул радостно Муса, — вернись ко мне, я так одинок! Верь, то зло, которое ты причинил мне, давно забыто. Иди ко мне! Заживем вместе и вновь будем друзьями.

— Я глубоко жалею о случившемся, — отвечал тот же голос, — скорблю и о твоём одиночестве, но вернуться и вновь жить вместе с тобой — не могу.

— Почему? — с жаром спросил Муса.

— Скажи, разве при взгляде на меня не будет пред тобой вечно вставать образ твоего сына, задушенного мной. Я же, в свою очередь, живя с тобой, не в силах буду забыть о своем хвосте, отрубленном твоим сыном... Прощай, Муса, и больше никогда не зови меня...

Прага.

П. Крюков.

* * *

Пасмурно и скучно небо за окном,
Дождик мелкий каплет... Тишина кругом.
Хмуро и сурово лес густой стоит, —
Кажется, что тайну кто-то сторожит.
Горы, кругом горы. Где ни кинешь взор —
Нет нигде равнины, только цепи гор.
Взор мой здесь тоскует по родным стенам,
И душа стремится к милым куреньям.
И во сне мне снится чудный милый Край,
Пред которым меркнет и небесный Рай.
Снятся мне крутые кручи, берега
И шумит знакомо старая Река.
Слышится певучий колокольный звон...
То мой Край привольный, мой Родимый Дон!..

Ф. Полк.

* * *

Эй, вы там, перекачь бездорожная,
Кому нечего больше терять —
Все дозволено, все можно,
На остальное наплевать!

Пусть на рухляди старого счастья
Зашуршит погорелый ковыль, —
Мы пройдем холодком безучастья,
Подымая дорожную пыль...

И вперед, словно волчая стая,
Озлобленной, наглей и дерзкой
Прокатим, все бывшее сметая...
Эй, с дороги, кто там?! Эй, ей, ей!!

Сергей Макеев.

(Франция).

В борьбе за Родину.

(Отрывок из главы VI-й).

... По лужам, по непролазной грязи, где лошади едва тащили свои повозки, с песнями, равняясь в рядах, отбивая ногу, батальон наш вошел в Тверскую. Мы прибыли в станицу по приказанию генерала Покровского, чтобы на другой день совместно с его конницей идти в наступление на Пшехскую.

Батальон был полного состава: четыре сотни и пулеметная команда; людей в рядах было с избытком, даже больше того, что требовал строевой устав.

Настроение в рядах было великолепное, воинственное, люди шли на смерть не из под палки, а за совесть, за идею, за Родину. Ни слез, ни горя, ни душевного уныния, — наоборот, танцы и песни без конца. Не раз приходилось удивляться отсутствию усталости; никогда не слышалось недовольства, ропота негодования; не замечалось критики распоряжений начальства, но моральная поддержка наблюдалась на каждом шагу. Сердце радовалось, глядя на батальон!

Но, зачастую, явления извне — сверху, или снизу, вносят деморализацию в воинские части, нарушают дисциплину, выбивают из нормальной колеи, из война делают митингующего и рассуждающего гражданина и подрывают в корне авторитет начальников.

Как в начале революции приказ № 1 с декларацией „прав солдата“ одним ударом уничтожил могучую, сильную армию и никакие приказы потом, никакие суровые меры наказания не могли сдержать разбушевавшуюся стихию серых шинелей, так и в гражданской войне необдуманные действия высших военачальников и правительствующих лиц разлагали войска, вносили раздор и вражду, парализовали благородные чувства, отталкивали от подвигов и умерщвляли в корне гражданский долг каждого война.

Так случилось и с нашим батальоном. Я уже упоминал ранее, что прапорщики Гунин и Косякин были вызваны в штаб к Покровскому для дачи показаний о их „службе в красной армии“. После производства дознания, они были преданы военно полевому суду. Суровый суд, состоявший из любимцев генерала, вынес несчастным юнцам смертный приговор.

За что? За то, что прапорщик Гунин месяца два „служил“ в красной армии, исполнял обязанности ротного писаря, удерживал красноармейцев от грабежей и насилий, спасая казачьи хаты от разорения и способствовал сдаче без боя — двух рот. Прапорщик Косякин, убежавший в лес в начале большевизма, вернулся по настоянию своих родителей в станицу и помогал своему отцу — военному писарю — работать в правлении.

Как тот, так и другой, сделавшиеся прапорщиками в 1917 году в дни революции, были полны энергии и сил служить свободной Кубани, способствовать ее процветанию и благоденствию.

Неужели же это такая большая вина, что влечет за собой смертную казнь? А что же тогда нужно было делать в центре России — в Москве? Ведь так всю Россию нужно бы было украшать виселицами, ибо все живущие там принимают то или другое участие в преступлении советского государства и красной армии?!

Покровский утвердил приговор...

Он не думал о том, как отнесутся к этому казаки — опора всей армии; он не интересовался тем, что горячие слезы старух-матерей, оплакивавшие погибших сынов, будут служить ему проклятием; его не волновала судьба сирот, лишившихся родителей по его слепой вине. Он делал свое злое дело и чем дальше продвигались вперед, тем больше путь его украшался виселицами. Невинные жертвы, одна за другой, поднимались на эшафот...

Мы только что расположились по квартирам и я с сотенным писарем занялся составлением отчетности, как в комнату вошел мой вестовой, казак Остриков, и доложил, что меня хочет видеть Косякин.

— Какой Косякин? — спросил я — прапорщик?

— Никак нет! Отец его.

В комнате появился Косякин, лет шестидесяти старик, с большой бородой лопатой и смуглым, цыганским лицом. Из темных, усталых глаз текли слезы на седые усы, бороду...

— Ваше благородие, господин есаул, да что-ж это такое, где же правда?

— В чем дело? — недоумевающе спросил я.

— Сына то моего приговорили к смертной казни вместе с Гуниным! —

Если бы в эту минуту надо мной разорвался снаряд, или поразило громом, я не был бы так поражен и удивлен, как теперь, когда узнал такое необычайное известие.

— Откуда вы узнали? — спросил я его.

— Я сейчас был в штабе дивизии, приехал проводить, там мне и сказали, что сегодня состоялся суд и приговорили обоих к смертной казни. Что мне теперь делать? Свидание и то не разрешили... Господи, Боже мой! Помогите мне, ради Бога, ради всех святых спасите мне сына, он ни в чем не виноват...

Старик, как маленький ребенок, заплакал навзрыд. Слезы, одна за другой, будто мелкие брильянты, перескакивали с усов на бороду, с бороды на пол и, мягко падая, расплывались в круглые пятна.

Да и как было не плакать!

Единственный сын, девятнадцатилетний мальчик, только что окончил кубанское реальное училище, сделался прапорщиком и, в заключение, шел на эшафот, как важный государственный преступник: изменник родине, или шпион.

Я так растерялся, что сразу не сообразил как утешить старика, чем ему помочь и что делать; потом уже догадался увести его к командиру батальона, войсковому старшине Кольбикову и с ним обсудить этот тяжелый вопрос.

Кольбиков посоветовал Косякину немедленно ехать в станицу Хадзыгинскую, собрать стариков, чтобы представить Покровскому приговор с ходатайством о помиловании, или замене тюремным заключением, за подписью всех выборных от станицы.

Ходыженские казаки находились у меня в сотне, человек, вероятно, до семидесяти; я приказал им написать докладные записки с изложением той-же просьбы.

Старик Косякин привез приговор, приехали делегаты от сбора, я собрал докладные записки, которые командир батальона тотчас же отнес в штаб, но все оказалось никчемным. Покровский был неумолим и ночью же несчастные были расстреляны в кустах за станицей, а наш батальон срочно выслал на позицию.

Представьте себе настроение той сотни, из рядов которой вырвали невинного казака и расстреляли? Была ли охота, было ли желание идти в бой с той отвагой и решимостью, какая наблюдалась за несколько дней перед этим? Было ли доверие к тем начальникам, которые искренно стремились освободить Родину от диктатуры разбойников, но не завоевывать ее виселицами по примеру Покровского. Нет! Не было ни того, ни другого.

Охоты не стало — шли в бой из под палки, боясь наказания. Не пойдеш на фронт — повесят. Доверие к начальникам то-же пропало — меряли всех одним аршином.

— Были красные — рубили головы казакам, пришли белые — расстреливают казаков же! Где искать лучшее, где искать правду? Неужели на свете правды нет? — говорил мне один из казаков Хадзыгинцев...

А сколько подобных Косякиных погибло по пути шествия Добровольческой армии, трудно учесть, ибо грязная работа тровилась за кулисами контр-разведок — не уступавших нисколько чека, — куда строевой офицер и близко не подпускался, да тем паче, что и возмущаться то несправедливостями ему не полагалось

А. Кирьянова.

* * *

И-и-и!.. Пошел казак по полю!
Ветер свищет, буря воет...

Враг лукавый ночью робко
По ковыли где-то бродит,
Где-то бродит осторожно...
— Враг трусливый — не таись!
Покажись — пока не поздно,
Из засады — выходи!..
Вихри плачут жалко, слезно
По равнине степовой,
В городки сполох разносят...
Вербы стонут, вербы воют...

И-и-и... казачая папаха...
Чуб развился... чуб лихой...
Шашка свистнула с размаха
Над татарской головой...
Рыцарь бури, рыцарь степи
Подхватил татарский лук...

Конь к земле, играя, стелется
Мнет упавшую стрелу!..

Расскрипелися засовы,
Раззвенелися замочки —
Под покрывкою ковровой
Спят — богатства дочки!
И-и-и... отец чубатый, с поля —
Рыцарь степи и отчизны.
Загляделся, засмотрелся
На алмазные на брызги.
Кровью плачутся рубины,
Жемчуга смеются слезками,
В поясах сапфиры синие,
Бирюза — в сережках!..

... Плачет, стонет соловейка
Во зеленом во садочке.
У березы на скамейке —
Рыцарская дочка...
Распустились косы русые
По плечам казачьим.
А за вербами крадутся...
Злой отец... да муж — палач...
Поцелуй шальной и страстный
За плетнем потух,
Дочку рыцаря степного
Целовал — пастух...
Вновь блеснули шашки острые...
Поцелуи замерли...

Два коня гуляли в поле
До восхода, до зари...
Ветер выл, гремели громы
А отец шатался ночью,
Рыцарь золота и родины —
Старый недруг дочки...

Любовь Самсонова.

НЕЧИСТЬ БОЛОТНАЯ.

Желтенький чертик кудлатый
Плачет над стылой трясиной,
Жалкий чертенок, горбатый
Дрожмя дрожит, как осина!
— Стужа, проклятая стужа,
Пальцы-то скрючило, эка!

Льдом затянулись лужи,
Салом подернулись реки.
Летом в трясине раздолье,
Нечисти летом без счета,
То-то чертенку приволье
В черном зыбучем болоте!
Шепчутся травы с кугою,
Шлют комариные звоны, —
Листья спаленные зноем
Падают мертво в затоны.
Чертик из листьев опавших
Мягкую стелет постельку.
Шьет на штанишки заплаты,
Рыбкам плетет колыбельки,
Ночью в болото глядятся
Робко дрожащие звезды,
Ночью в болоте роятся
Светло-зыбучие гроздьи.
Рыбы лениво спросонья
Тыкают звезды носами,
Чертик смеется в затоне,
Сучит от смеха ногами.
Взмутит болотную тину,
Нежитей всех распугает,
Смехом взволнует трясины —
Сам водяной зачихает.
— Эх, расскался, треклятый,
Я тебя двину клюкою!

Желтенький чертик кудлатый
Хитро трясет головою.
Кажет язык водяному,
Хвостиком крутит под носом —
Старому где ж к молодому!
Ноги ведь вовсе не носят!
Строит из травок лужайки —
Хитро кладет по болоту
— Ну ж, по грибы, молодайки!
Эй, мужички, на охоту!

Ближе лужайкой ведь к лесу,
Смело на травку ногою!
Слопают душеньку бесы,
Травы заплачут с кугою...

Желтенький чертик горбатый
Плачет, дрожит, как осина,
Дует в кулак свой мохнатый...
Льдом затянулась трясины...

Прага.

1928.

В. Петров.
(Румыния).

Окружнѣ.

Ведь взбредет же в голову Антону вспомнить, как он из неученого и лебогатого рода вышел в „люди“, т.-е. силком врезался в науку. — Случайность, конечно, — думает Антон. — А может быть и судьба? Но откуда ворожка в Орловской ярмарке взяла, сказав матери, что одного дитя ей придется „доводить до дела“? А „доводить до дела“, — значит, как все считали, „пустить дитя по ученой части“...

Лежит Антон, отдыхает после дневного тюканья антрацита, а мысли сами так и лезут... Только две недели проучился Антон в городском училище, а явился уж домой (подскачили какие-то два праздника) с кардой-лаврой в две желтых веточки и с буквами „Г. У.“

Сидит он на заваленке и зубрит малопонятную ему „науку“ — естественную историю Вараввы:

„Белая лилия есть луковичное растение, потому что при основании стебля она имеет луковицу (а покажи Антону эту белую лилию, он ее и не признает). Корень у ней мочковатый. Венчик белый, пятилепестный. Тычинок пять. Пестик один...“

— Ты посмотри жа, что дитѣ работает, — говорит отец матери, которые, разговаривая меж собой, весь слух свой направляют к зажмурившемуся (чтобы легче было запомнить и венчик, и пестики, и тычинки) Антону. — Уче-ни-е, мать, — говорит многозначительно отец. — Наука, — ни больше, ни меньше.

— Известное дело „хуторской ребенок, а городской теленок, — соглашается мать.

На лицах обоих — гордая радость. Сами, дескать, не люди, так пусть хоть дитѣ будет человеком...

Но что всегда сидит в голове Антона, так это Черленый. Круглый большой луг между Салом и Маерским озером. Сотня весь день била „долобы“ — делала, а к вечеру, наварив свежей ухи (щуки то, щуки какие были), стала пить могоарычи. Традиция — ничего не поделаешь. Всегда после дележа остаются „лишки“. Остаются они даже и после того, как выделяют десять паев попу, пять дьякону и пять псаломщику.

— Эту асаку по воде положим в дележ? — спрашивает у сотни перед концом дележа хитрый сотенный.

— Да тут ишо и бугор остался неделеный, — отзываются из сотни.

— Ну, так как же? Решайте.

Сотня, кажется, думает и, подумав, отвечает:

„Да стоит ли гнать машину на такую высоту“? И, как бы нехотя, решает бугор отдать кваснику Монаху, а осоку в воде шабаю*) Колоску.

А у Монаха и Колоска давно уже заготовлены дроги с четвертными бутылками. Сначала идет чинно и благородно — пьют и закусывают рыбой и ухой. А потом только пьют...

Успокоилась пьяная гроза. Насилу умолкли горячие споры, доходившие зачастую до мордобития. Захлебнулся и звонкий подголосок, где-то далеко, далеко оборвавшись. Свалилась сотня на зеленый, пахучий солонец. Привольно и здорбво. Не надо ни постелей, ни одеял, ни подушек, — и так мягко и тепло. Храпит могуче сотня, а комары ядовито жужжат над нею...

Скопытился и отец Антона. Не дошел к нему в полог. Но Антон то почему не спит? А не спится Антону не оттого, что душно в пологе, а оттого, что он слышал, как в разгаре попойки (когда каждый казак, выпив, как следует, похвалялся своим богатством), Лошкобан, самый богатый из хутора казак, больно уколот его отца и уколот именно тем, что сын его, Лошкобана, учится в окружном, в Константиновке, а Антон-де нет.

— Где тебе там, — сказал Лошкобан отцу Антона. — Ты хоть так-то проживи, без ученья. Отец Антона, как видно, вскипел и тут же, в присутствии всей пьяной сотни, заявил:

Думал и раньше. Да все не решался. Но раз так,

*) Барышник.

так знай же, — сказал он Лошкобану. — И я своего Антона отдам в окружное, — и, свалившись, заснул...

Антон не прочь был бы заделаться „симпатией“, как Мишка Лошкобанов и Егор Кострюков. Видел он, как они на Илью, когда бывает престол в хуторе, ходят в „проходку“, держа барышень „под ручку“, видел он и как казаки хутора здоровались с ними за „ручку“, шатая к ним, как к „ученым“, уважение. А про офицера — „пана“ Карасева и говорить нечего. Он один занимает весь правый придел церкви. Стоит, как аршин проглотил, не крестится и не смотрит ни на кого, а караульный ему просвирку на жестяной тарелочке подносит. Просвирку офицер возьмет, поцелует, а на тарелочке полтинник звонко зазвенит.

Не плохо живется и учителю, Михаилу Максимовичу. Сидит себе чистенький все лето в школьном саду да постреливает скворцов, а как солнце начнет заходить, он сядет на „самокатку-лисапет“ да и покатит себе холодком сетки на Хомуток смотреть. А Антон выскочит из двора да по следам „лисапета“ за учителем, и кажется ему, что он тоже „едет“.

Чувствует Антон какое-то томное притяжение к Лидушке, соседке, — да что ж — не подходящее дело. Отец ее богат. Сама она на поле не ездит и пристраивается уже с малства к „симпатии“. Неприятно как-то бывает Антону, когда он в воскресенье, утром, в заскоружлой от арбузов рубашке и с засохшими арбузными потеками между пальцев, конвоируя „возилки“ с зерном, встречается, как нарочно, всегда с Лидушкой у церкви, которая нарядная, как барыня, идет в церковь. Где ж там Антону...

— Оно, конечно, если бы поступил в окружное, тогда б другое дело... — думает Антон... Размякли маленькие, жиденькие мозги Антона и только под утро, уже совсем выбившись из сил, забылся он...

Жаркое ли солнце, сменившие ли комаров мухи или звонкий лязг отбиваемых кос, дружное ли трекотание травянок разбудило Антона — он не знает. Знает только, что когда он лупнул глазами, то лантух приподнялся и в полог влезал отец.

— Проснулся? Вот и хорошо, — сказал он. — Слушай, Антон. Вот что. Ты сейчас же иди домой. Обойдемся какнибудь и без тебя. Забери все книжки, какие имеешь, и иди к Михаилу Максимовичу. После чего отец замолчал и, немного подумав, глядя на Антона, добавил. — Начнешь готовиться. А на Успение повезем тебя на экзамен в окружное, в Константиновку. Хочешь учиться?

— Хочу, папаша, — не помня себя от радости, ответил Антон...

Так благодаря луговым „лишкам“, Антону удалось попасть в 1-е Донское городское 4-х классное училище (называвшееся по старой памяти в станицах „окружной“), которое он через четыре года и окончил с похвальным листом.

Но что с Богом поделаешь? Несмотря на то, что Антон (по научению матери) каждый день, становясь на молитву, усердно просил Бога „зародить хлебушка и послать дождичка“, все года четырехлетнего его обучения наукам были годами полного недорода. И отец Антона, выбросив из своего скромного хозяйского бюджета 400-500 рублей, ко дню окончания Антоном курса городских наук, очутился с одним (да еще, как к досаде) пегим конем и шестью меньшими братьями и сестренками Антона. Само собой разумеется, что дальнейшее образование Антон продолжать не мог, ибо самое существование семьи стало очень трудным.

— Хотя в работники иди, — говорил отец, почти плача от досады. А тут соседи стали подсмеяться.

— Что, Петро Федорович, посадил сына на белую лавочку (а „белая-то лавочка“ Антону была самая черная: от „простых“ отстал, а к „ученым“ не пристал). Скажут ему спасибо малыши, когда подрастут. Да и ты то сообразил. Нам ли учить? — поджигают соседи.

Отец нервничает и стыдится хутора, что оборвался в хозяйстве.

Страдает по матерински и мать, служащая, как всегда в таких случаях, фокусом всех нервных всплесков растерявшегося отца. Раскаиваясь в своем опрометчивом решении, предпринятом им самим же когда-то на лугу, отец нападает на ни в чем неповинную мать, укоряя ее в том, что она тогда ему „не отсоветывала“, а наоборот, даже „потакала“.

Бедная мать! Не зря ж ты в сорок лет выглядела старой бабкой...

Видя, что об офицерстве нечего и мечтать, Антон, наскоро сам приготовившись, сдал экзамен на звание двухклассного сельского учителя, надеясь, если не подержать своих, то, по крайней мере, уйти с их шеи, на свои хлеба. Но инспектор народных училищ, Синайский, почему-то ровно четыре года держал Антона практикантом, без жалованья, не давая ему не только место

двухклассного учителя, а даже обыкновенного, приходского...

Началась Великая война и Антона взяли воевать, а отец, потеряв единственную надежду на улучшение хозяйства, перекочевал в новую станицу, побрел искать счастье в Сальские степи.

В действующую Армию радостно сообщал он потом Антону о привольи Сальских степей и приглашал сына „на побывку“, покататься на тачанке, которая уже успела показаться старому хутору Кузнецовке. Видно было, что старик снова загорелся жадной жить. Да налетела вскоре на новый, еще неотстроенный казачий хутор красная саранча и сердито разметала „буржуйский“ казачий уголок. Оставив последнее свое богатство — семью на произвол красного пожара, отец Антона поступил к старикам в дружину и был убит вместе с бородачами под Торговой.

... А Антон вспоминая порой „окружное“, в эмиграции — в темных подземельях шахт долбит антрацит.

Гнат Макуха.
(Югославия.)

* * *

Ой, коли б же та те сталось,
Чого дожидаю
І за віщо по чужині
Наймитом блукаю, —
Не плакали б тоді діти,
Не стогнала б мати;
Не доводилось би правди
В чужині шукати;
Не доводилося б плакати,
Проклинати долю,
У чужині працюючи
На чужому полію.
Ой, коли б же та те сталось
Та тоді, як треба!
Чи випросю ж я ту долю
З високого неба?
— Не випросю, бо я грішний:
Край — святий для мене.
Гріх великий — чекать волю
Для брата й для себе,
Гріх, якого не прощають
Чужі й свої люде,

Ті, що кажуть, що за гріх той
І Бог судить буде.

— Волю брати, брате, треба!..

— — — — —
А щоб люде про те чули,
Вороги ж — не знали, —
Гуляй, думко, гуляй, нене,
Як колись гуляла!
Лети, серце, на Кубань ти,
Гуляй по Україні, —
Буде легше мені жити
Отут у чужині...
— — — — —

Гуляй, думко! А я буду
Знову дождати,
Коли встане із неволі
Кубань, моя мати,
Та озветься до України,
З нею заговоре,
Як та зірве ті кайдане
Та неволю зборе...
— Гуляй, думко! На те ж тебе
Я так і кохаю!
Нехай мене перевертні,
Нехай проклинають!...

О восстаниях.

В прошлом номере „В. К.“ помещено было сообщение Берлинской газеты „Руль“ о том, что в области Верхнего Дона происходят серьезные „беспорядки“, в которых принимают участие как казаки степных станиц, так и крестьяне (донские, конечно!); что появились уже и партизанские отряды и что в район „беспорядков“ посылается одна из надежнейших дивизий — Московская стрелковая, укомплектованная почти исключительно рабочими. В том же „Руле“ сообщалось, что и на Северном Кавказе появились партизанские отряды, взорвавшие за Армавиrom железнодорожный мост.

Сообщения эти проверить, пока, не удалось. Действительно ли были там какие „беспорядки“ или нет, сказать трудно — слишком высока еще китайская стена красной Московской цензуры, чтобы можно было легко узнать подлинную правду о том, что в действительности за ней творится.

Но одно можно сказать наверняка: „беспорядки“ (по советской терминологии) возможны. По нашему же, это не беспорядки, это восстание или восстания тех, кто не выдержал или не выдерживает ига красной московской диктатуры.

Восстания в Казачьих Землях были и не один раз за эти восемь лет оккупации их чужой советской властью. Были потому, что нет и не было за это время мира в наших Землях, что нет и не было примирения наших Краев с завоевателями — господами сегодняшнего положения из Московского Кремля. Казачьи Земли оккупированы, народ побежден грубой внешней силой, но с победителями не примирился. „Мир“ и „порядок“ в наших Землях держатся на „кончике штыка“ московского красноармейца. Казачество придавлено, но не покорилось.

Вот почему восстания были, вот почему они возможны, и, вероятно, будут пока будет продолжаться оккупация.

В сообщении „Руля“ есть одна, очень характерная и для нас утешительная деталь: в „беспорядках“ принимают участие не только казаки, но и крестьяне — донские и кубанские. „Иногородний“ вопрос, таким образом, разрешается. Было время, когда „иногородние“ Казачьих Земель стояли против казаков, а казаки против иногородних. Теперь они становятся рядом против общего врага. Так должно быть, такая постановка вопроса только и может решить его ко благу обеих сторон.

Все предыдущие восстания в Казачьих Землях против господства там Московских большевиков терпели неудачу. Каждое восстание или даже попытки к ним жестоко подавлялись оккупантами и всегда после этого усиливалось царство террора. И все же восстания повторялись и, возможно, повторятся.

Когда люди прекрасно знают, что ждет их в случае неудачи и все же идут на восстание, то это только свидетельствует о степени тяжести грубого большевицко-коммунистического сапога, со всей своей силой навалившегося на Казачьи Земли.

К восстаниям легко не прибегают. Восстание — последнее средство, последний аргумент.

Раньше известны были в большинстве случаев народные восстания против власти, шла борьба за свободу, за права „человека и гражданина“. Ныне мы живем в то время, когда целые народы борются за свое освобождение из под власти или гегемонии других народов; ныне, в большинстве, идет борьба за право народов на самоопределение, за право каждого народа на свою государственную независимость. Прежний спор между властью и ее „подданными“ постепенно, по мере торжества идей демократии, уступает место спору более широкого масштаба, спору между „историческими“ и „неисторическими“ народами.

Трудная и тяжелая была борьба за права человека и гражданина. К сожалению, еще более трудна, еще более кровава борьба за права народа. Здесь еще более подтверждается общее положение, что ничто даром не дается, тем более свобода народов. Вот почему, пока не будут решены или предопределены, пока будут существовать споры о правах народов, пока

одни народы будут господствовать, а другие „служить“ им, — до тех пор будут и восстания. И крозь, пролитая за свободу народа, никогда не пропадет даром: рано или поздно приносит свою жатву.

Можно различать несколько видов восстаний:

Восстания продуманные и хорошо подготовленные, рассчитанные, делаемые с надлежащими силами хорошо руководимые и поднимаемые в надлежащий момент, как правило — неожиданно для тех, против кого они направлены. Только такие восстания могут рассчитывать на серьезную удачу.

Восстания другого рода — восстания с отчаяния, возникающие стихийно, как порыв, когда „ждать нельзя“, когда — „лучше смерть, чем невыносимая жизнь“, когда не думают о расчетах или о предварительной подготовке. — Восставшие в этом случае могут ждать успеха лишь в том случае, если восстание не останется „местным явлением“.

Бывают и восстания спровоцированные теми, против кого они готовились и кто, узнав наперед о его подготовке, сам приготовившись, искусственно вызывает его раньше времени — „обнаруживает противника“, — чтобы не дать довести организационную работу до конца. Эти последние восстания всегда заранее обречены на неудачу и бывают самые дорогие, т. к. по сути они находятся в распоряжении „противника“.

Никто так не хотел бы разрешить наш вопрос, вопрос освобождения наших Краев, без крови, какой угодно, но мирной ценой, как то хотели бы мы, хотело бы все Казачество. Слишком тяжела и дорога была недавняя борьба и теперешняя оккупация, слишком обескровлено Казачество, чтобы оно могло хотеть лишней крови. Но если без крови обойтись нельзя, если нужно или когда придется Казачеству поднимать восстание для того, чтобы не погибнуть, то только тогда, когда это выгодно будет ему, Казачеству восстающему. Надо сначала надлежаще подготовиться и выступить тогда, когда свое положение есть наилучшим, свои шансы наибольшие, а шансы и положение противника наименее выгодны.

Как бы ни было тяжело положение, но восстаний с отчаяния все же делать не нужно. Восстание такое, в подавляющем большинстве случаев обреченное на неудачу, бывает дороже, стоит больше, чем то, что его вызывает.

Больше же всего надо бояться восстаний, спровоцированных „противником“.

Отсюда ясно, как велика роль и сколь велика ответственность вождей и руководителей восстаний. Если восстание не имеет шансов на успех, то его лучше не поднимать — торжествующие победители не жалеют крови побежденных.

Для успешного восстания нужна база, нужен „тыл“, нужна обеспеченная заранее помощь (резерв). Но еще больше, чем к самому восстанию, нужна подготовка: ко второму дню

после восстания. Мало еще было бы для нас свергнуть большевицкое иго и завоевать себе свободу, — ее надо уметь и удержать, надо суметь другой раз не пустить к себе непрошеного гостя. Свободу мы уже один раз имели, Казачьи Земли один раз уже были очищены от большевиков, но защитить их от другого нашествия того же врага мы не смогли.

Не одни Казачьи Земли стонут под большевицко-коммунистической пятой. Украина, Кавказ и др. „счастливые“ народы „рая“ одинаково страдают от господства московского интернационала. То наши естественные союзники в борьбе за свободу. И если бы кто бы то ни было из них думал о восстании, как последнем и не-

избежном средстве борьбы, тот должен был бы обеспечить себя и союзниками. Каждый из этих народов в отдельности рискует борьбу один на один проиграть. Поэтому всем им надо думать сначала о создании своего союзного фронта против своих угнетателей.

Если бы наш голос мог дойти туда, мы хотели бы, чтобы наши братья там и наши соображения приняли в расчет и не обессиливали бы себя мелкими восстаниями. Восстание, поднятое раньше времени — есть вещь проигранная. Восстание, если ему суждено быть, если без него нельзя будет обойтись, должно быть одно и только то, которое наверняка принесет освобождение.

И. Билый.

Казачьи Земли.

I

Территория и народонаселение.

Исторические события последних пятнадцати лет, — лет Мировой войны и послевоенных мирных договоров; лет поражения и распада Великих Империй Средней и Восточной Европы; лет возрождения и создания новых государств и государственно-политических организмов под знаком одухотворенной идеи самоопределения народов; наконец, эпохальные события последних десяти лет, — лет небывалых по своим размерам и последствиям революционных потрясений на землях б. Российской империи, — все это застало Казачество, можно смело сказать, слишком мало подготовленным к тому, чтобы быть не только объектом, но и активным субъектом развернувшихся событий. В бушующем море великих исторических событий Казачество оказалось утлым челном без руля и без ветрил, без ясного осознания себя, как отдельной особи со своими собственными целями и заданиями, без твердо направленной на их достижение волевой деятельности. Посторонние, чужие, по большей части враждебные Казачеству силы бросали его из стороны в сторону, не щадя его крови и... кармана, совсем не спрашивая да и совершенно не считаясь с его мыслями и желаниями.

Когда то вольные казачьи общины-республики, потом покоренные и разгромленные Петром и Екатериною, Вольное Казачество, силой запряженное в ярмо Российской имперской государственности, в продолжении двух последних столетий — это был почти безгласный, хотя и первосторонний материал для... расширения и охраны границ Империи, для бесконечных русских войн... Неограниченная, самодержавная центральная власть, управляя и создавая имперскую Россию по еднонеделническому сословно-чиновничьему плану, нашла в нем соответствующее место и буйным казачьим племенам. Казаки — военно-служилое сословие, казаки — авангард российской государственности и ее территориальном и колонизационном росте, казаки — слуги и опора царя против мятежных иных сословий российских, — вот российское имперское разрешение казачьего вопроса. В годы наибольшего блеска, величия и силы императорской России, ее верховная власть допускала только такое и единственное понимание казачьей идеи, — как идеи бескорыстной службы Государству. Московский палач твердо рукою снимал с плеч непокорные казачьи головы, что не могли забыть еще своего былого, а глухой ропот казачьей „вольницы“ заглушался начальническим окриком облаканной Москово старшины. Российская наука решительно боролась „с развратным мнением, почитающим казаков за народ от российского отличный“, а даже совершенно невинное объективное исследование казачьей старины рассматривалось как тягчайшее государственное преступление.

Казачество и на свое славное прошлое должно было смотреть глазами только московскими.

Идеологически раздробленное, с интеллигенцией, воспитанной в общероссийском духе, Казачество ко времени переживаемых нами ныне событий оказалось во мнении всей России, да, пожалуй, и в своем собственном, действительно ни чем иным, как лишь специальным „сословием“, обязанным нести службу интересам Российского государства, как их понимала имперская власть.

Постепенный упадок сословной императорской России, громы первой Российской революции 1905 года поставили перед Казачеством вопрос его дальнейшего бытия. Казаки проявили себя, в большинстве, как служилое сословие, послушно исполняющее веления власти, и провокационно поставлены были последней против почти всей мятущейся России. Россия на десяток лет была усмирена, но жгучая ненависть народных масс к „верхним десяти тысячам“ и их верховной власти перенеслась и на защитников ее, казаков. Однако, остроты и опасности такого противопоставления остальному населению тогдашней России Казачество, благодаря наступившей потом всеобщей реакции, заметно не ощущало. И только Мировая война и последовавшая вскоре революция 1917 года открыли для Казачества всю трагичность его положения.

Если Казачество действительно только сословие, то революция, сносящая все сословные перегородки, уничтожающая самое понятие сословий, неминуемо должна была привести к уничтожению и казачьего сословия, к расказачению казаков и слиянию их с остальным населением по национальному или экономическому признакам. Удерживание обособленности Казачества с точки зрения общероссийских интересов в дальнейшем являлось вредной реакционной затеей, ничем не оправдываемой.

Так на казачий вопрос смотрела после революции вся демократическая российская общественность, так смотрели и смотрят и большевики. Само Казачество, однако, такого решения для себя не приняло и начало искать иные решения своего вопроса.

Сословно-служебная роль, навязанная Казачеству императорской Россией, кончилась, однако Казачество не захотело самуничтожиться, расказачиться. Под влиянием воли пробудилось в Казачестве уснувшее, казачьей, навсегда сознание своей не сословной, а политически-племенной особенности; из глубины казачьих масс вышла на явь старая, здоровая традиция своей казачьей государственности. Казачество восстанавливает Раду и Войсковые Круги, выбирает вольными голосами Войсковых Атаманов и создает Войсковые Правительства.

Борьбой как с Временным, так и с большевиками Российскими правительствами и принятием своих Конституций, Казацки Земли самоопределяются фактически как отдельные от России государственные организмы.

Однако, творческий порыв и энтузиазм Казачества, давшие такие блестящие результаты, как освобождение своих Краев от московских большевиков и утверждение в них своей власти, — в конце концов не принесли Казачеству желанной воли. Слишком еще слаба и неразвита была возродившаяся идея казачьей государственности, слишком еще сильны были в руководящих верхах Казачества традиции сословно-служебные, всероссийские. С ростом отогретой на груди Казачества Всероссийской Добровольцы, среди казаков, поставленных на верхи казачьих Правительств; среди казаков, воспитанных в идеях Всероссийской Государственности, снова начинают преобладать идеи служебной роли Казачества для всей (старой) России. Основной задачей, единственной целью Казачества было, как они понимали, не внутреннее устройство своих Краев, не защита границ Казачьих Земель, а „спасение“ в с е й России, отвоевание от большевиков Москвы. Эти казацки вожди-общероссы, пользуясь специфическими обстоятельствами времени, подменили священные задачи оборонительной борьбы Казачества против чужеземцев-большевиков на цели общероссийской реакции и контр-революции. Связали казачье дело с чужим и чуждым ему делом и погубили его.

Ныне — Казачество в своих Краях пребывает в положении населения Земель, покоренных неприятелем. Ныне на отобранных у Казачества землях Московская советская власть поселяет только ей угодные элементы. Ныне Казачество так и на столько расказачивается, что даже самое имя к а з а к теперь признается только за киргиз-кайсаками. Казачий уклад „жизни, казачий быт, культура, казачья песня, казачье сознание — все это подвергается гонениям, все это насильно искажается. Казачество подгоняется под „всесоюзный“ аршин. Казачество осудили там на уничтожение.

Однако безнадежному отчаянию не должно быть места в казачьих сердцах. Нет такого тяжелого положения, из которого твердая, ясная воля не вывела бы народы. „Правда побеждает“, говорит девиз чешского народа, народа еще не так давно казалось бы безнадежно затиснутого во враждебные тиски, а ныне торжествующего, процветающего. Осознание себя и своих целей, укрепление воли к жизни и деятельности, продуманной и рассчитанной, не допустят и Казачество к гибели и приведут к конечному торжеству казачьей идеи.

На казачьей эмиграции лежит сейчас славная и ответственная задача вести интенсивную работу не только по подготовке к освобождению своих Земель из под чужой и враждебной им власти красных кремлевских сатрапов, но и выработать идеологические предпосылки и организационные принципы для воссоздания и закрепления государственности Казачьих Земель. Вне сферы советской досягаемости, в обстановке свободной европейской жизни, наша эмиграция должна произвести переоценку всех старых ценностей, должна строго и беспристрастно проанализировать ошибки и неудачи прошлого; должна познать Казачество, как социальное явление; должна изучить Казацки Земли, уразуметь их места и роль в геополитике, экономике; должна формулировать к а з а ч ь ю и д е ю и наметить правильные пути к ее осуществлению.

После всего пережитого за последние пятнадцать лет, Казачество о казачьих делах может думать уже только по своему, по казачьи.

Для ясного сформулирования казачьей народно-государственной идеи основное значение имеет точное уяснение и правильное представление как тех территорий, тех земель, какие на протяжении своей истории заселило Казачество и на которых и впредь должна будет строиться и развиваться его жизнь и творческая деятельность, так и состава и распределения на Казачьих Землях их обитателей — народонаселения. Территория

и население — основные элементы всякой государственности.

Здесь, за границей, мы лишены возможности пользоваться всеми и исчерпывающими данными относительно территории и населения казачьих Краев. Соответствующие публикации до-военных годов еще можно найти в некоторых здешних библиотеках, но данные их уже устарели. Публикации же 1914-1920 г. г., а также современные советские, из которых можно было бы почерпнуть новые данные, являются редкой, не всегда доступной роскошью. Этот недостаток новых материалов значительно затруднил и помешал более совершенной обработке и предлагаемой ниже работы. Мы подаем здесь читателям „В. К.“ сводки данных касающихся территории и населения Казачьих Земель в надежде, что и в таком неполном и несовершенном виде они сослужат свою полезную службу.

К началу Мировой войны Казачество, заселившее различные земли от Черного моря и до Тихого океана, разделялось на двенадцать Войск (см. приложенную карту Казачьих Земель). Различная историческая давность образования этих Войск, различная величина и, наконец, географическое положение их Земель — все это создает из Казачества довольно разнообразную картину. Все же и среди этого разнообразия легко выделяются три основные группы Казачьих Войск:

1. Казачество Европейское — из шести Войск. Это — основное ядро, метрополия всего Казачества, составляющая более семи восьмых частей всего его количества. Казачество Европейское занимает непрерывную территорию от Азовского и Черного морей и Кавказского хребта по реку Урал-Яик и Уральский хребет. На всей этой территории Казачество составляет основную массу населения и большинство, хотя и не абсолютное, то все же относительное.

2. Казачество Сибирское — из трех Войск, во главе со старым Сибирским. Территория этих Войск раскидана на огромных пространствах Сибири. Казачье население составляет большинство только на собственной казачьей войсковой территории.

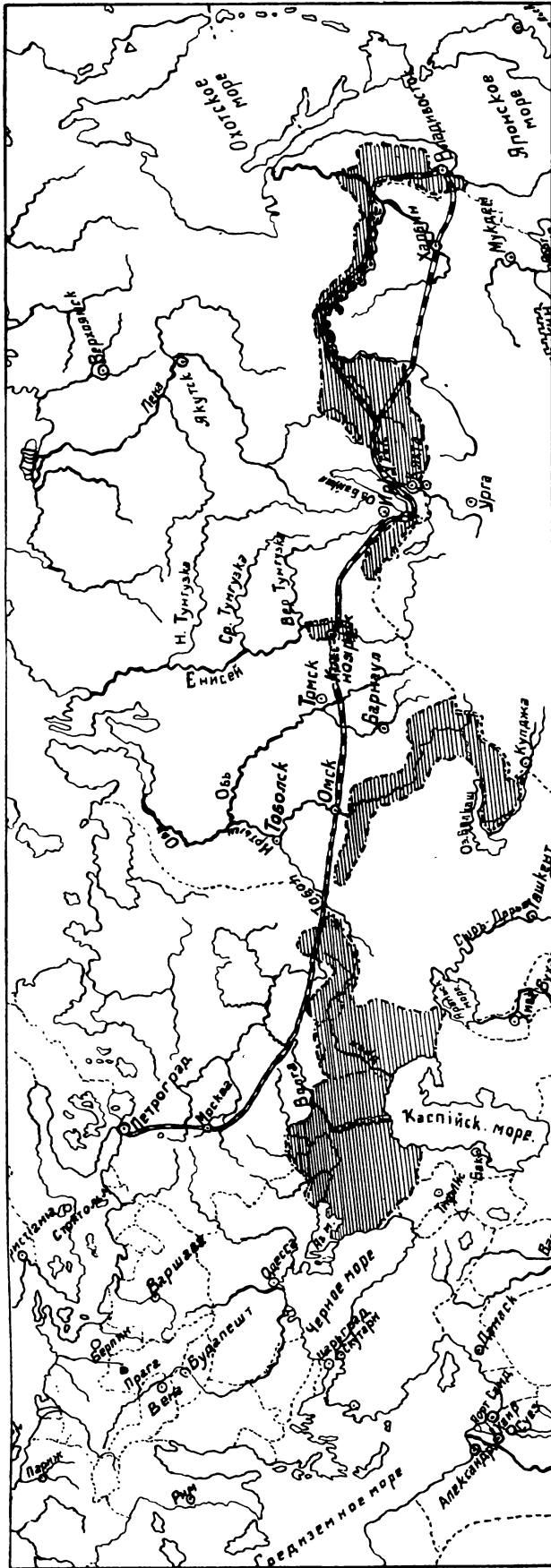
3. Казачество Дальневосточное — из трех казачьих Войск — занимает непрерывную территорию, на которой составляет основную массу населения.

Численность населения как Казачьих Земель так и каждого из казачьих Войск, равно как и основных групп их подает таб. I, составленная на основании данных на 1 января 1912 года (Новый Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 20, стр. 343, статья: Казаки). Более поздние дореволюционные данные имеются лишь по отдельным казачьим Войскам (напр., Кубанскому, Донскому). Количество же всего Казачества к настоящему времени можно установить (с большей или меньшей степенью точности) лишь на основании довольно сложных исчислений.

В первые годы после революции события, происшедшие на Казачьих Землях, не дали возможности произвести точный учет казачьего населения. Советская власть, оккупировавши Казацки Земли и последовательно проводя политику расказачивания, во всех своих переписях населения совершенно не выделяла казаков ни как отдельную племенную или национальную, ни как сословно-бытовую группу населения*). Публикации результатов переписей 1920, 1923 и 1926 г.г., равно как и выборочные ежегодных сельско-хозяйственных обследований совершенно не дают каких-либо отдельных данных о Казачестве, не выделяют его из общих групп классовых или национальных всего населения.

Таким образом, для установления количества населения казачьих Войск мы имеем лишь официальные дореволюционные данные, после событий последних десяти лет явно устаревшие.

*) Во избежание недоразумений, отмечаем здесь то обстоятельство, что приводимые в советской статистике цифры под рубрикой „казаки“, совершенно не относятся к населению казачьих Войск, а только к народности киргизов-кайсаков.

Установить при таких условиях точное количество казаков в настоящий момент совершенно невозможно. Весьма сложные исчисления на основании различных и разновременных данных могут дать только приблизительные, более или менее вероятные цифры, ибо столь важные для роста Казачества факторы, как участие его в Мировой и противобольшевицкой войнах, как голод и эпидемии в период царствования советской власти, совершенно не поддаются учету. Приведенные в таблице I цифры прироста казаков за последнее пятнадцатилетие 1912—1927 г.г. и числа казаков к началу 1927 г. исчислены на основании прироста за десятилетие 1902—1912 г.г. Эти исчисленные данные нужно было бы считать значительно меньшими действительных, при условии, если бы годы 1912—1927 в жизни Казачества были нормальными; принимая же во внимание всю тяжесть павших на Казачество в эти годы испытаний, цифры эти следует считать приблизительно соответствующими фактическому положению вещей в настоящее время.

То обстоятельство, что подавляющее большинство Казачества населяет исконные казачьи земли в Европе, что земли эти составляют неразрывное географическое целое, равно как и то, что народно-политические и государственные устремления Казачества нашли себе наиболее яркое выражение среди Казачества Европейского, — все это заставляет видеть основную суть казачьего вопроса в Казачестве Европейском. Казачество Сибирское и Дальневосточное — сравнительно малочисленные и, к тому же, расселившиеся узкими, растянутыми полосами и островками в огромных просторах Сибири, среди преобладающего неказачьего населения, оторванное от основной казачьей массы в Европе, имеет, несомненно, в будущем пути иные, во всяком случае отличные от путей Европейского Казачества. Это не значит, что пути эти безразличны Европейскому Казачеству и „Вольное Казачество“, служа всеказачьей идее, думаем, всегда будет уделять должное внимание и место освещению жизни и стремлений также и Казачества Сибири и Дальнего Востока.

В настоящей работе мы ограничиваемся только Казачеством Европейским и его Землями.

Ко времени Мировой войны и революции 1917 года Казачество населяло следующие области и губернии Российской империи:

1. Войско Донское. — всю О. В. Д., разделенную на 9 округов.
2. Войско Кубанское — всю Кубанскую область, разделенную на 7 отделов.
3. Войско Терское — четыре отдела Терской области, главным образом по левому берегу Терека.
4. Войско Астраханское — два военных отдела в Астраханской губернии и Царицынском уезде Саратовской губ.

Калмыки, согласно постановлению Калмыцкого Народного Собрания в 1917 г. вошедшие в состав Астраханского Войска*), занимали т. наз. Калмыцкую степь Астраханской губернии.

*) В июле 1917 года одновременно состоялись в Астрахани: II-й Калмыцкий национальный С'езд (24—25 июля) и С'езд Калмыцкого духовенства (22 июля). Тогда же на Калмыцком Базаре (Астрахань) состоялось Об'единенное Собрание участников того и другого С'езда и на этом Об'единенном Собрании было вынесено постановление перейти калмыкам в Казачество.

Инициаторами этого дела были князь Тундутов, Санджи Баянов и др.

В конце сентября 1917 года на Астраханском войсковом Круге было решено принять калмыков в Астраханское казачье войско, с какового момента астраханские калмыки и стали казаками.

После октябрьского переворота на урочище Яшкуль был создан „Большой Круг калмыцкого казачьего войска“, который выработал Конституцию и принял договор о вхождении в Союз юго-восточных народов.

Табл. I.

Народонаселение Кавказских Земель и численность Кавказских Войск за двадцатипятилетие 1902—1927 г.

Кавказские области и Войска	Народонаселение Кавказских Войск и областей к 1 января 1912 года										Прирост казачьего народонаселения за двадцатипятилетие 1902—1927 г.г.				
	Всего насе- ле- ния	Мужчин	Женщин	Христиан		Нехри- стиан	К а з а ч о в			Всего казачов к 1 янв. 1902 г.	Прирост казачов за деся- тилетие 1902-1912	Прирост казак. за 15 летие к 1/1/1927г. 1912-1927 по исчис- лению			
				Право- славн. и единовер.	Старооб. и сект.		Прочие хр. исп.	Всего	Мужчин				Женщин	Служи- мый со- став.	
I Кавказ-во Европейское	8.018.652	4.109.748	3.908.904	6.831.561	329.718	162.670	825.802	3.534.576	1.765.718	1.768.858	392.365	2.743.407	791.169	1.186.753	4.721.329
1. Донское	3.142.620	1.619.873	1.522.747	2.891.837	148.793	60.850	41.140	1.392.316	700.957	691.359	161.348	1.125.839	266.477	399.715	1.792.031
2. Кубанское	2.836.191	1.439.898	1.396.293	2.615.073	32.656	54.321	134.141	1.214.485	603.505	610.980	135.365	875.218	339.267	508.900	1.723.385
3. Терское	1.186.497	626.144	560.353	566.447	48.991	45.219	580.774	234.846	117.595	117.251	24.092	183.378	51.468	77.202	312.048
4. Астраханское	41.682	20.686	20.996	40.388	1.054	28	212	36.940	18.154	18.786	3.606	30.016	6.924	10.386	47.326
5. Уральское	200.061	99.964	100.097	185.860	71.245	—	19.131	155.317	77.176	78.141	13.050	126.303	29.014	43.521	198.838
6. Оренбургское	611.601	303.183	308.418	531.956	26.979	2.252	50.404	500.672	248.331	252.341	54.904	402.653	98.019	147.029	647.701
II Кавказ-во Сибирское	354.588	181.603	172.985	251.162	8.949	10.192	84.285	200.471	100.812	99.659	13.985	156.549	43.922	65.883	266.354
1. Сибирское	297.244	152.016	145.228	200.859	8.934	10.169	77.282	160.786	80.737	80.049	10.286	127.151	33.635	50.453	211.228
2. Семиречинское	57.344	29.587	27.757	50.303	15	23	7.003	39.685	20.075	19.610	3.699	29.398	10.287	15.430	55.115
3. Енисейское	С в е д е н и й	н е	310	2.522	33.645	318.647	163.022	155.625	38.617	73.856	110.784	429.431			
III Кавказ-во Дальневост.	338.604	175.701	162.903	302.127	198	2.399	31.330	246.203	125.249	120.954	29.315	207.653	38.550	57.825	304.028
1. Забайкальское	258.846	133.596	125.250	224.919	198	107	157	41.003	21.289	19.714	4.990	22.476	18.527	27.791	68.794
2. Амурское	45.599	23.835	21.764	45.301	34	16	2.158	31.441	16.484	14.957	4.312	14.662	16.779	25.168	56.609
3. Уссурийское	34.159	18.270	15.889	31.907	78	16	2.158	31.441	16.484	14.957	4.312	14.662	16.779	25.168	56.609
Итого	8.711.844	4.467.052	4.244.792	7.384.850	338.977	175.384	943.732	4.053.694	2.029.552	2.024.142	444.967	3.144.747	908.947	1.363.420	5.417.114

5. Войско Уральское (Яицкое) — три военных отдела Уральской области.

6. Войско Оренбургское — три военных отдела на казачьей территории в Южной и Юго-Восточной части Оренбургской губернии.

Неказачьи официально считались обыкновенно:

1. Черноморская губерния, состоящая из трех округов, выделенных (1896) из Кубанской области с казачьим населением, переписанным в крестьяне.

2. Ставропольская губерния, состоящая из пяти уездов и территорий кочевых народов. Губерния создана была из земель гл. обр. терских и кубанских казаков, расказаченных в крестьяне.

3. Царицынский уезд Саратовской губ. — Волжско-Донская переволока, историческое достояние Донского Казачества, территория старого Волжского Войска, переселенного отсюда и расказаченного после Пугачевского восстания.

4. Калмыцкая степь Астраханской губ. свой „неказачий“ характер решительно изменила вследствие упомянутого выше постановления Калмыцкого Народного Собрания о поголовной приписке калмыков в казаки.

Все эти „неказачьи“ районы нисколько не нарушают географической целостности казачьих территорий, т. к., в большинстве искусственно оторванные от Казачьих Земель специфической политикой российских правительств, они все же сберегли свой исторический народно-казачий характер.

Действительно неказачьи являются лишь территории на окраинах Казачьих Земель, а именно: на Юге, по правому берегу Терека — области Горских народов Северного Кавказа, на Востоке, по левому берегу р. Урала — степи кочевых киргиз-кайсаков; на Севере — башкирские земли.

Хотя в прошлом все упомянутые здесь народы и принимали довольно активное участие в создании и пополнении казачьих Войск, все же, поскольку дальнейшее самоопределение этих народов может пойти и не в сторону их оказания, — необходимо их территории выделить из общего итога казачьих земель.

Вышеприведенное административное деление Казачьих Земель (помещенное на левой стороне табл. III, см. ниже, статью II) с приходом большевистской власти сразу же подверглось многочисленным и радикальным изменениям. Заняв Казачьи Земли силою оружия, большевики отнесли к побежденному Казачеству просто как к сословию, опасному и „реакционному пережитку“ императорской России. Расказачить Казачество, обратив его в обыкновенных крестьян и рабочих, внутренне раздробить, территориально разобщить и, морально обесиленное, слить в один неразрывный национальный и социальный организм с остальной Россией, — вот программа, какую настойчиво и последовательно стала осуществлять Московская советская власть на Казачьих Землях. Соответственно этим заданиям произведено было и новое перераспределение (перекройка) территорий; перераспределение это все еще изменяется, так что и в настоящее время нельзя считать его законченным.

Мы не имеем возможности рассматривать здесь все перипетии советской перекройки (разделов!) Казачьих Земель. Отметим только их основные тенденции.

Большевики настолько радикально перекроили Казачьи территории, что ни одна старая административная единица не осталась неизменной.

Из территорий с так наз. инородческим населением образованы национальные республики и области: Горские, Калмыцкая, Казакская-Киргизская, Башкирская.

Однородный комплекс Казачьих Земель разделен и включен в различные крупные административные единицы Края-Области: Северо-Кавказский, Нижне-Волжский, Средне-Волжский, Уральский. Земли Уральского (Яицкого) Войска оказались целиком включенными в Казакскую А. С. С. Р.

Исторически сложившееся распределение земель между отдельными казачьими Войсками новые советские передель совершенно игнорируют и, можно с уверенностью сказать, сознательно расчлениают цельные Земли на отдельные куски. Так, территория Войс-

ка Донского разделена между Северо-Кавказским Краем и Нижне-Волжским Краем, часть которого — Сталинградская губ. — создана из частей О. В. Д., Астраханской губ. и Царицынского уезда Саратовской губ. Донской округ Северо-Кавказского Края состоит из территорий как В. Донского, так и Кубанского. В Ставропольский округ включены некоторые кубанские станицы. В Терский округ вошла часть территории б. Ставропольской губ. Территория Оренбургского Войска разорвана между Оренбургской губернией, входящей в Средне-Волжскую область и Троицким и Челябинским округами Уральского Края и т. д. и т. д.

Современное административное деление как собственно казачьих, так и инородческих окраинных Земель, а также цифровые данные к ним приведены нами на правой стороне таб. III (см. ниже. Эта большая III табл. будет помещена в след. номере „В. К.“).

При сравнении этих данных между собою, бросается в глаза прежде всего полное несоответствие величин территорий по всем меньшим административным единицам, — все это результат упомянутой выше радикальной административно-территориальной перекройки. В итоге, по крупным территориальным комплексам — Землям отдельных казачьих Войск — тоже замечается большая разница, главным образом в сторону уменьшения Казачьих территорий в 1926 году. Особенно значительное уменьшение территории произошло на Землях Уральского и Оренбургского Войск, огромные степные пространства которых отошли к вновь образованным национальным республикам Башкирской и Казакской. Территория Кубанского Края значительно уменьшилась из-за присоединения части Ейского отдела к Донскому округу и передачи степей б. Ставропольской губ. к Терскому округу. Таким образом, общий итог казачьих территорий (без Горских республик и областей), равный в 1913 году 1.186.687 кв. килограм, в 1926 году уменьшился к цифре 870.151 кв. километра. Последняя цифра, как исключаяющая территории с чуженациональным неказачьим населением, может считаться наиболее приближающейся к действительной величине Казачьих Земель в Европе.

Чтобы дать более ясное представление о величине Казачьих Земель, приводим для сравнения величину территорий различных европейских государств (см. табл. II).

Таб. II.

Территория Казачьих Земель и Европейских Государств.

Казачьи Земли	Пространство в тысячах квадр. километр.
Шести Европейских Казачьих Войск	870
I. Войска Донского	208
II. Войска Астраханского и Калмыцкого	107
III. Войска Уральского	286
IV. Войска Оренбургского	129
V. Войска Кубанского	111
VI. Войска Терского (Левобережный Терек)	29
Территории Европейских Государств.	
Европейская часть С.С.С.Р.	4603
Франция	551
Германия	472
Испания	505
Украинская С. С. Р.	452
Великобритания и Ирландия	315
Италия	313
Польша	386
Румыния	316
Юго-Славия	249
Чехо-Словакия	142
Болгария	103
Португалия	92.

Венгрия	93
Бельгия	30
Нидерланды	34
Эстония	48
Латвия	66
Литва	48
С. Америк. С. Штаты	7.839.432
Мексика	1.969.153
Аргентина	2.952.550

Как видим из таблицы II, Земли Европейского Казачества величиною уступают только С.С.С.Р., почти вдвое превосходят самые крупные государства Европы:

Францию, Испанию, Германию, втрое больше Англии, Италии, Румынии. Территории отдельных Казачьих Земель равны таким средней величины Европейским государствам, как Югославия или Чехословакия.

Под конец обзора казачьих территорий следует отметить еще и то, что Казачьи Земли находятся в ряду самых крупных Европейских Государств также и по длине линии соприкосновения с морем. Морская береговая линия Казачьих Земель, начинаясь у границ с Грузией, тянется вдоль Черного и Азовского морей до границ с Украиной. На Каспийском же море, начинаясь у устья Терека, оканчивается в заливе Комсомольца (б. Цесаревича).

(Продолжение следует).

Т. Стариков.

Булавинское восстание.

II.

Лишение Дона самостоятельного существования, вмешательство Петра во внутреннюю жизнь Казачества, требование об очищении ими Хопра, Медведицы, Бузулука, левого берега Дона, отдача Бахмута Слободскому Изюмскому полку, постоянный сыск беглых — все это заранее подготовило почву для широкого восстания. Нужен был только подходящий случай, только лишний толчок, чтобы Дон восстал.

Этот толчок был дан. Петр пошел на чрезвычайную меру. Вместо посылок сыщиков для розыска беглых, он послал на Дон отряд в 1000 человек под командой полковника кн. Юрия Влад. Долгорукого, с приказом обойти Дон и силой выслать на Русь новопришлых людей, зашедших на Дон после покорения Азова. Такой экспедиции никогда прежде не было. Все Казачество, начиная от атамана, было оскорблено.

Старшины наружно смирились, приняли Ю. Долгорукого с полным внешним спокойствием и сделали вид, что идут навстречу всем его желаниям, но в то же время, по свидетельству усмирявшего потом Дон Василия Долгорукого, послали от себя письмо по Дону с просьбой к казакам всячески мешать Долгорукому выполнять поставленную задачу.

Казачья же масса открыто раскаивалась, что усмиряла Астраханский бунт. „Вот теперь“, говорили казаки: „надо было стать за собственную волю“*). И казаки стали. Дон поднялся стихийно, поднялся всюду, куда проникали офицеры, посланные Долгоруким.

Сам Долгорукий отправился по Донцу к Айдару, где предполагалось особенно много новопришлых, офицеров же командировал на Медведицу, Хопер и Бузулук.

Своими действиями Долгорукий вызвал сильнейшее возмущение среди казаков. Он плохо разбирался в том, кто новопришлый, кто старожил, и стал по своему, по боярски творить суд и расправу. Он не посчитался ни с казачьей психологией вольных людей, ни с их обычаями и порядками. И чинил расправу так как делал бы это у себя в вотчине с крепостными людьми.

Вот что писали Донские казаки Запорожским казакам: „Городки наши многие разорили и пожгли, а нашу братию казаков многими пытками и кнутами били, носы и губы резали напрасно, жен брали на постель насильно, детей наших по деревьям вешалза ноги“**).

Долгорукий бил, „Грабил и разорял без пощады“***). Казаки были потрясены, возмущены до крайности и решили бороться с таким произволом.

К. А. Булавин бросился на Хопер, устроил там с'езд, на котором и решено было поднять восстание. Офицеры, посланные Долгоруким на Медведицу, Хопер и Бузулук были перебиты.

Сам Булавин поспешил на Донец к месту действий Долгорукого. Последний к этому времени только в 8 городках, расположенных по р. Айдару, схватил для отправки на Русь до 3000 человек.

*) С. Соловьев. Ист. Рос., т. III, стр. 240.

***) Н. Маркевич. Ист. Малор., т. IV, стр. 209.

***) С. Сватиков. Рос. и Дон, стр. 138.

С отрядом в 250—300 человек, Булавин в ночь на 9 октября напал на Шульгинский городок, где ночевал Долгорукий и истребил весь его отряд, а самого Долгорукого убил.

Восстание началось. Неизвестно, как оно развернулось бы, если бы Дон не раскололся на две части: на сторонников Булавина или „отпадчиков“, стремившихся освободить Дон из под власти Петра, и на старшинскую, московскую партию. Эта партия выступила против Булавина.

Движение на севере Дона было задавлено. Сам Войсковой Атаман Лукьян Максимов разбил Булавина на Айдаре и вынудил его к уходу с Дона.

Петр торжествовал. Политика расчленения казаков удалась и дала свои плоды: казаки могли уничтожать друг друга. Лучшего желать было нельзя. Но возмущение Дона было слишком велико, слишком жестоки были обиды, чтобы, раз начавшееся, восстание так легко прекратилось. Ранней весной следующего 1708 г. к Булавину в Запорожье явились казаки с Дона с известием что все готово для продолжения восстания.

Булавин убеждал Запорожцев помочь ему и просил выступить против Петра всем Войском. Но Запорожцы не пошли на это, а разрешили ему набирать только вольницу. К Булавину присоединилось до 1500 человек. Булавин направил их к Бахмуту, а сам поспешил на Хопер. Отсюда он выпустил воззвание к казакам и к русскому народу.

Казакам он говорил, что „те наши злые супостаты (власть Москвы) наше старое поле все перевели и ни во что почли“. И звал спасать это Поле.

Русским людям он объявлял, что казаки восстали: „За Дом Пресвятыя Богородицы, за святую веру христианскую, за свои души и головы, сын за отца, брат за брата, друг за друга“. И звал как „начальных, так и черных людей стоять за одно“, их казаков не опасаться, между собой не враждовать, и общими силами действовать против „злых князей, бояр и прибыльщиков“.

Войсковой Атаман снова выступил против Булавина, на этот раз уже при поддержке азовского гарнизона, но был разбит.

После этой победы почти все наличные силы Дона перешли на сторону Булавина*). Без всякого сопротивления он спустился к Черкасску, 2 мая занял его и был избран Войсковым Атаманом. По постановлению Круга бывший атаман Л. Максимов и 6 видных старшин были казнены.

Обезвредив таким образом значение московской партии и избрав новую старшину, В. Круг считал возможным пойти на примирение с Петром. В Москву была послана Зимовая станица, а всем начальникам войск, направленным против Дона, была послана отписка в

*) 111 городков с 21.670 каз.; у атамана осталось 5 городков возле Черкаска с 1780 казаками и город Черкасск с 5000 населения с женщинами и детьми.

которой подробно излагались причины всего происшедшего.

Петр готовил в это время огромные силы для расправы с Донским Казачеством. Момент был слишком хорош для него, чтобы упустить его и не покончить раз навсегда с казачьей вольностью.

Казачи в отписке писали: „А мы от него государя Войском Донским не откладываемся... И желаем... служить по прежнему всем войском и всеми реками преусердно“. Но казаки при этом хотели добиться полного невмешательства Петра в их Донские дела, хотели оставить в неприкосновенности и свою волю и свои порядки у себя на Дону. Они требовали, чтобы войска Петра не переходили границ Донской Земли и, обращаясь к полководцам, говорили: „А буде вы... насильно поступите и какое разорение учините и в том воля его великого государя: а мы Войском Донским реку Дон и со всеми запольными реками уступим и на иную реку пойдём“.

Петр не пошел на это. Он послал на Дон кн. Василия Долгорукого, родного брата убитого Юрия Долгорукого, с жестоким приказом: ходить по тем городкам, которые к воровству пристают и оные жесть без остатка, а заводчиков на колеса и колья... ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть“...

Отписке Булавина он не поверил и писал Меншикову: „К Москве послана станица с оправданием. Однако же верить не надобно. Чаю что сие оный дьявол чинит дабы оплошить в Азове и тайно возмутить“.

Не верил в успех отписки и сам Булавин. Он рассчитывал выиграть время, чтобы лучше изготавиться к борьбе. Им была проявлена лихорадочная энергия.

Ко всем татарским ордам были посланы гонцы с просьбой стать с казаками заодно, посылались и в Запорожье и объясняли причину восстаний: „Чтоб в нашем Войске Донском утвердить по прежнему как (были) казачьи обыкновения у дедов и отцов наших и у нас“.

Но ни татары ни Запорожские казаки не помогли. Булавин остался один на один с Петром и все таки не терял надежды на успех. Он послал заслон против Бахметьева в верховья Дона и против Долгорукого к Бахмуту. Некрасов с 3000 отрядом был послан на Волгу. Была попытка произвести восстание в Таганроге, а когда это не удалось, решено было взять Азов, чтобы уничтожить противника в тылу у себя.

В случае неуспеха всех этих начинаний, Булавин решил выполнить свою угрозу „реку Дон очистить“ и со всем Войском уйти на Кубань. Он писал к Гусейну — паше, что „если государь не пожалует их против прежнего“, т. е. что, если не будут возвращены старые порядки, „то они от него отложатся и станут служить султану“*).

Об этой переписке узнал Петр и решил смягчить указ, данный Долгорукому раньше. Теперь, писал он, надлежит действовать „иначе“, а именно — „заводчиков пушек казнить, иных на каторгу, а прочих... обнадеживать, а буде где какую противность сделают, то и всех под голову“. В таком смягчении состояла „милость“ Петра.

На Донце и севере Дона казаки потерпели поражение. Взять Азов не удалось. Сторонники Москвы решили воспользоваться этими неудачами и схватить Булавина. Казаки во главе с Ильей Зерщиковым напали на его дом. Но он предпочел погибнуть от собственной пули. Тело Булавина было выдано в Азов и там четвертовано, голова, руки и ноги положены в спирт, остатки повешены на месте боя под Азовом.

Войсковым атаманом был избран Илья Зерщиков. Долгорукий поспешил в Черкасск и написал Петру о цели этого похода: „Я пошел к Черкасску для лучшего укрепления казаков. Вашему Величеству известно, какие они шаткие люди, а нынешний атаман (И. Зерщиков) какого он состояния; как в Черкасске, так и по всем городкам... все изменили сплошь и ежели ныне над ними чего не будет учинено, то конечно и впредь от них того же ждать... В Черкасске и по всем станицам

первые люди все сплошь воровству (восстанию) причастны“. Дальше он говорит о том, что по его мнению надо сделать на Дону: „Конечно под такой случай надо определение с ними сделать, чтоб впредь им не токмо делать, но и мыслить (нельзя было) о вольности... городки, которые вновь поселились близ наших городков, чтоб конечно у них отнять“.

В этих словах заключалась целая программа, которую Петр потом и осуществил.

Нужно отметить, что у русского царя и у его сподвижников были одни и те же взгляды на казачьи вопросы. Петр, еще не получив программы Долгорукого, уже писал ему, чтоб в Черкасске выбрали атамана доброго, т. е. послушного Петру, и приказывал ему уничтожить как раз те городки, о которых писал Долгорукий. „Надлежит опустошить“, приказывал Петр: „по Хопру сверху Пристанской по Бузулуку, по Донцу сверху по Лугань, по Медведице по Усть-Медведицкий что на Дону, по Бузулуку все, по Деркулу все, по Иловле по Иловлинский, по Дону до Донецкого... как было“.

С такими грозными указами Долгорукий подошел к Черкасску. Илья Зерщиков с старшиной встретил его на р. Аксае. Преклонив знамена, старшины пали на землю и били челом великому государю... „чтобы он положил вины их простить“*).

Долгорукий пришел в Черкасск, привел казаков к присяге и казнил сына Булавина, сына Семена Драного и 40 товарищей Булавина. Обследовав и здесь настроем казаков, Долгорукий писал Петру так: „Все сплошь Черкасские в этом воровстве равны. Сам Илья и есаул Соколов, будучи у меня сказали, что они все этому делу виновны. Сами о себе сказали... А что Вы Ваше Величество пишете, чтоб выбрать атамана доброго, то ручаться на них невозможно, ни одного человека не сыщешь, на кого можно было бы понадеяться“.

Итак, по мнению Долгорукого, „в Черкасске и по всем станицам первые люди все сплошь воровству причастны... Ни одного человека не сыщешь на кого можно было бы понадеяться“. Даже Илья Зерщиков, свергнувший Булавина, считал себя в этом деле виновным.

Движение на Дону против Петра было, таким образом, всенародным. Казачество стало на защиту своих исконных, освященных веками прав на свободную жизнь, на защиту старого Поля, которое „злые супостаты все перевели и ни во что почли“.

Петр посчитал казаков за это ворами и как с ворами зверски расправился, приказав жесть городки, а людей рубить без суда и следствия.

Выполнитель его воли кн. Долгорукий, укрепив казаков, т. е. попросту, повесив видных из них, пошел вверх по Дону исполнять царский указ. Зерщикова он взял с собой, а после арестовал и отправил в Москву, где ему и отрубили голову.

Зерщиков служил Москве, уничтожил Булавина, был войсковым атаманом и все таки был казнен в Москве. Что же можно было ждать остальным казакам, участникам движения?

Со смертью Булавина движение на Дону, как можно было и ожидать, не прекратилось, а, наоборот, разгорелось с новой, какой то стихийной силой.

Войска Петра снова были двинуты на Дон с четырех сторон. С севера вниз по Дону шел Бахметьев, по Донцу Шидловский, с востока от Волги кн. Хованский с Саратовским и Астраханским полками и с 10.000 калмыков, сам Долгорукий шел вверх по Дону. Казачество буквально истреблялось.

Так например, Долгорукий, взяв Есауловский городок, приказал вешать казаков на виселицах, поставленных вокруг городка и на плотях „для устрашения воров“.

20 июля был взят Царицын астраханскими полками. Воевода Апраксин приказал „лучших заводчиков“ прислать к себе в Астрахань, а других казаков повесить на виселицах, поставленных в Царицыне и по Донской дороге.

Шидловский, взяв Бахмут, с радостью доносил Петру, что он „им конклюзию учинил“, Бахмут разорил и выжег, а Долгорукову писал: „есть что и не без гре-

*) С. Соловьев. Рассказ. из Русск. ист., Р. Вестник, кн. 28 т. II.

*) Запись о действ. полков. Долгорукого.

ха, сдавались они нам, но в том гаму нам не донесено, восприяли по начинанию своему“. Здесь были запорожские казаки и все они до одного уничтожены (1500 чел.).

Хованский атаковал казаков около Паншина. Он имел несколько регулярных полков и 10.000 калмыков. У казаков же было только четыре тысячи и они были подавляющими силами Хованского уничтожены.

Хованский доносил царю: „Баталия была с ними великая. Я не помню, чтобы казаки так крепко стояли. Воры потерпели страшное поражение. Их ушло немного только на двух лодках“.

Русский историк С. Соловьев в заключение описания этого боя торжественно добавляет: „Женщины и дети достались победителям“. Можно же себе представить, что с ними сделали озверелые победители после столь жестокого боя.

Необходимо еще отметить бой у станицы Решетовской между войсками Долгорукого и отрядами Голого. Последний имел 7.500 человек. В записях о действиях полка Долгорукого говорится, что „рубил их без милосердия“; ушел только Голый да с ним два человека. Остальные были перебиты и потоплены в Дону.

Из 29.000 казаков, участвовавших в различных боях, погибло только во время боя 16.323 человека. Но очевидно, что эта цифра была много больше. Установить ее точно нельзя, ибо в некоторых боях не указана потеря с казачьей стороны.

Военные действия прекратились разгромом Голого и уходом Некрасова на Кубань.

Но зато началась еще более дикая, уже ничем не оправдываемая расправа победителей с оставшимися в живых казаками. Выловлено по Дону и казнено от 7 до 10 тысяч человек.

За что гибли эти люди, — неизвестно. За то ли, что они были сторонниками Булавина и так или иначе участвовали в его движении, или только за то, что были казаками?

После этой дикой расправы Дон опустел.

Если считать истребленных казаков в порядке репрессий средней цифрой в 8.500, то вместе с погибшими в боях и ушедшими с Некрасовым (2000), Дон потерял 26.000 человек.

Донское казачество было спасено только теми казаками, которые возвращались домой после войн Петра, а их в то время было на западной границе около половины всего наличного состава войска.

Петр закончил расправу с Донским Казачеством личным приездом в Черкасск. Еще в начале восстания он писал Меньшикову, что ему „необходимо месяца на три туда поехать... дабы тот край сочинить, понеже сам знаешь, как тот край нам надобен, о чем не могу больше терпеть“.

Вот в этом и заключается разгадка жестокостей Петра. Донской край ему был надобен. Чтобы закрепить его за собой, он не постеснялся почти поголовно истребить казачество.

В середине апреля 1709 г. он приехал в Черкасск и привез с собою голову казенного Атамана И. Зерщикова и приказал привезти из Азова хранившуюся там голову Булавина. Обе были воткнуты на колья на майдане. Петр вышел туда, окруженный „знатной и разумной старшиной“, полюбоваться на уничтоженную казачью самостоятельность, „на поверженное в прах Донское народоправство“ (Сватиков Р. и Д. стр. 147).

Эта „церемония“ была глубоко символична. На кольях воткнуты были головы Донских Атаманов. Один из них хотел спасти Дон из под власти Петра, другой служил ему, но был „мало надежен“.

Под знаком отрубленных голов обезглавленных Донских Атаманов и потекла дальнейшая история Донского Казачества. Атаманы уже не выражали воли казачьего народа, не имели и своей воли. Они обязывались действовать только по указке Москвы.

„С этих пор, говорит историк Платонов, всякая самостоятельность Донского Казачества пала и Прав-во стало полным хозяином на Дону. Петр таким образом добился своего“ (уч. Р. ист. стр. 220). Вскоре Круг был закрыт, а атаманы стали назначаться Москвой.

Неуспех Булавина объясняется по разному. Некоторые историки видят его почти исключительно в военных промахах Булавина. На самом же деле причины неуспеха лежат гораздо глубже. Дело не в промахах только, а в общих условиях тогдашнего времени и в общей обстановке.

Мы видели, что борьба Донского Казачества против Московского государства была только одним звеном общей борьбы юга против севера, одного мира против другого.

Замечательно то, что Московское государство само переживало тогда тягчайший кризис. Бесперывные войны привели к непосильным налогам. Страна разорилась, обнищала. Народ страдал от рекрутчины, произвола, насилий, взяточничества, от борьбы со старой верой, со старыми порядками. Почти все наличные вооруженные силы Петра находились в борьбе с внешним врагом. И тем не менее, несмотря на все это, юг был побежден. Надо сказать больше; при тех условиях и не могло быть иначе.

Юг был разрознен. Очаги восстаний находились на больших расстояниях друг от друга. Не было согласованности в действиях.

Юг населялся различными народами, каждый из которых преследовал свои цели и не помогал своим соседям, а иногда, как мы видели, и вредил им.

Башкирское восстание было задавлено калмыками. Астрахань усмирена почти исключительно одними донцами. А Дон раздавлен при помощи тех же калмыков и слободских полков, купленных Петром донской землей. Запорожская Сечь была разгромлена при содействии донцов.

Но этого мало. Дон, напр., делился на отпадчиков и на приверженцев Москвы. Эти два течения боролись друг с другом на жизнь и смерть. Булавин был разбит вначале атаманом Л. Максимовым и уничтожен Ильей Зерщиковым.

Вот в этом раз'единении народов Юга и заключалась основная причина поражения каждого из них. Раз'единенность предопределяла исход борьбы. Петр был сильнее каждого из восставших против него в отдельности и бил их по частям, или при помощи одного народа бил другой народ, при помощи одной группы казаков бил другую группу тех же казаков.

Вот в чем заключался тяжкий рок и всего Юга и Казачества.

На наших глазах повторилась та же страшная история, тот же ужасающий опыт. Север разгромил юг по тем же основным причинам: разрозненности и раз'единенности.

Так чтож, неужели ж правда, что история ничему не учит, неужели же югу не суждено воскреснуть? Неужели же Казачество только потому, что в его среде есть различные течения, а его вожди преследуют различные цели, должно покончить свое существование? Ведь оно стоит на краю гибели, — это надо знать, помнить и над этим крепко всем нам во время подумать.

Вследствие технических затруднений, связанных с переходом типографии в новое помещение, журнал В. К. в сентябре месяце выходит один раз двойным номером.

Медарь Сем.

Переселення Чорноморців на Кубань.

III.

Кубань до переходу Чорноморців.

1. Подарунок гетьмана Потемкіна. В своєму ордері Війську вірних козаків, з року 1790-го, квітня 19-го, Потемкін повідомив про определения „Накинбургской стороне земли не принадлежащие помещикам, а от Буга по морю до Днестра линией на карте означенные“ для Війска; до того „присовокупляется“ ще „округ Еникальский с Таманом, на котором отведенные мне места с рыбными ловлями самыми изобильными, любя войско, навсегда оному дарю“.

Таким чином, властиво, перший крок що до привязання Чорноморців до Кубані зробив сам Потемкін, колишній „запорожець“ Нечоса, головний злодій Запорожжа, а тепер великий приятель його решток і „Великий Гетьман Імператорських Війск козацьких Чорноморських і Катеринославських“.

Центром Еникальської округи були славно-звістні Ачугівські рибні дачі, які принесли Потемкіну „доход немалый“. Вони були подаровані йому Катериною, з прилеглими до них риболовними місцями при Азовському морі та береговим лиманом з соляними озерами.

Округ носив імя від турецької кріпости Ені — кале, яка находилася насупроти Керчи на найвузчому місці Керченського проливу, через котрий за часів Кримського ханства там була переправа на Кубань. Це була прибрежна смуга доброї землі від устя р. Еї на південь, оторочена зі сходу величезними плавнями; до неї примикав і Таманський півострів, який і був подарований козакам, аж до лівого гирла Кубані, що тече до Чорного моря.

За часів Кримського володіння, на цих землях сиділо осіло, з кінця XVII ст. Велике Військо Кубанське з донських емігрантів козаків та почасти запорожців і кочували та промишляли орди Ногайських та Едісанських народів. Татари визнавали над собою зверхність Кримського хана, але були досить незалежними від нього і часто густо передавалися під московську протекцію, яка однак не довго тривала.

Хижацькі орди ці вели безперестанну боротьбу з донськими та запорожськими козаками, а також і з кубанськими племенами черкеських народів. Кубанські ж козаки грали роллю елементу умиротворяючого.

Коли російські війська у р. 1696-му взяли кріпость Азов при участі самого Петра I-го (головно силами донців та запорожців), річка Ея почала бути кордоном. Після невдалого Прутського походу р. 1711-го, Петро був примушений зректися цих земель. Лише після війни з турками Катерини II, кордон по р. Еї був повернений російській державі. На цей час по побережжю стояли вже збудовані турками кріпости Ачугів, Тамань, Темрюк, Анапа, почасти для охорони берегів від козацьких нападів, почасти для военного і політичного контролю над ханом кримським, а головно над неспокійними черкеськими та кочовими народами і кубанськими козаками.

За плавнями, які простягалися на 40 верст на схід від Ачугівських промислів і аж до самого теперішнього Катеринодару були широкі привольні степи, придатні для скотарства і хліборобства. По степах була численна кількість звірини, оленів, табунів диких коней — „тарпанів“, і іншої звірини, а по степових річках — птиці та риби.

Тут, після війни з Кримом р. 1774-го, остаточно встановилася російська протекція над кочовими народами, які перед тим були в залежності від хана. В січні р. 1777-го, ставленник Катерини кримський хан Шагин-Гірей, з російським бригадіром Бринком, підчинив остаточно своїй владі Кубанські народи, з котрих де які, головно ті, що кочували при кріпостях, не визнавали хана, бо він не мав підтвержуючого султанського фірману. З огляду на це Військо Кубанське і перейшло на лівий, черкеський, її берег, який находився під владою султана турецького.

В січні р. 1778-го до Копилу (старовинної генуезької колонії Копи), на Кубані, який був за турок адміністраційним центром Кубанського Краю, прибув генерал Суворов. Він відразу почав будувати форпости по Кубанській кордонній лінії, щоби забезпечити російські війська від нападів закубанців; зміцнив Азовську берегову лінію редутами; заняв кріпости російськими гарнізонами і таким чином закріпив за державою прикубанські землі.

Однак, по конвенції з Портою в березні р. 1779-го всі війська були звідти виведені, а укріплення зруйновані. Скоро потім там почалися хвилювання ногайців против своєї хана, які р. 1781-го вилилися у бунт, замиренний на ханову прозьбу російськими військами, які просулися до Ногаїв з за р. Еї, з півночі, та зі сходу — з Кавказської лінії, що йшла через Ставропіл на північ, на Дін. Ногаї, незадоволенні діяльністю хана, почали поволі переходити за Кубань на вільні черкеські землі, а степи обезлюднювалися.

Незабаром виникли заколоти і на самій Тамані. Тут, з одного боку турецька, з другого російська дипломатія мали своїх прибічників, в наслідок чого ханові Шагин-Гіреюві прийшлося зробити вибір поміж султаном та царицею. Перемога лишилася за останньою і 8-го квітня р. 1783-го був оголошений маніфест про приєднання Криму і Кубанських земель до Російської імперії, а хан зрікся престолом.

Ногайці, які кочували біля р. Еї, присягнули на підданство, але незабаром забунтували, були розбиті Суворовим і втікли зовсім за Кубань. Кубанський край обезлюднився зовсім. По договору з Турцією в грудні того-ж року р. Кубань була визнана кордоном поміж цьома державами. Російський корпус заняв правий берег її кордонами, ця границя була підтверджена остаточно мирним договором після війни р. 1787—91.

У цьому спустівшому, за виходом козаків і туземців, краєві і одержав „блистательный“ князь, в подарунок, згадану вище приморську смугу з Таманом.

2. Козаки на Кубані. Незабаром після передачі цього подарунку Війську Чорноморському, новий Гетьман універсалом своїм від 26-го травня р. 1790 наказав Кошовому надіслати туди старшин для огляду згаданих земель. Разом з тим він дозволив запросити до Війска „работников из Малой России и Польши“, які находилися на кубанських рибних промислах. Як раз в той час був розгар війни з турками, в якій Чорноморці брали участь і Військо не могло відразу переняти подаровані промисла до свого відома та експлоатації.

Пізнійше, у січні р. 1792-го, Військо надіслало туди військового осаула Гулика зі старшинами та командою козаків, яким було доручено описати всі Кубанські землі, придатні для майбутнього переселення, бо воно хоч і було вирішено остаточно, але ще треба було царичиної згоди.

Гулик висадився на Тамані і поїхав вверх по Кубані аж за теперішній Армавір, побував у Георгієвську і звідти повернувся на Ставропіл і далі по р. Еї та по побережжю, списуючи все до „ведомости“. Вона і лягла потім в основу інструкції, надісланій Військом Головатому, який вже був у Петербурзі і мав клопотати, щоби до подарованого Гетьманом Фанагорійського острову було придано і Кубанської землі в межах Чорномор'я і сучасних лівобережських „лінейських“ теренів р. Кубані—Баталпашинського, Лабинського і Кавказського „отделов“.

Під час: з лютого (феврала) р. 1791-го до весни р. 1793-го, поки Чорноморці не переняли подарованих промислів, згідно з листам князя до Донського Отамана, вони були здані на відкуп донському козакові Селівестрову. Платив він за Ачугівські промисли від Еї до Кубані, 3000 корб. мідью або асигнаціями у рік. Ейські — 1.850 р., та по 2 копійки з пуда нагромаженої соли,

коли та „вродить“ і буде зібрана. Гроші ці були определени у фонд майбутнього Новоросійського університету — „к умножению капитала университетской суммы“.

Решта ж земель лежала пусто і туди лише виходили на добування донські та лінейські козаки.

Чорномор'є в цілому уявляло із себе широку ровину, південна частина якої була басейном р. Кубані. Лише на Таманському півострові були горби — зачаток Кавказських гір, з підножжя котрих прямо на поверхню вибігала біла нафта, що її потім добували Чорноморці на військових промислах. Степи були вкриті чагарником та різними кущами, де инде був і ліс, а на багатих водою річках у буйній траві плодилося нечисленне множество різноманітної птиці та дикої звірини. Для старого запорожця, що звик до своїх плавень на Дніпрі та морських лиманів, кубанські величезні плавні, повні звірини, були коморою, звідки він вибирав „по секторах“ (секторах) дичину. Йому не були страшні а ні ті болотні хороби, від яких потім страшенно вимирали переселенці з Гетманщини.

Але запорожці не лише тепер ознайомилися з Чорномор'єм. Вони там бували від прадавня і на подарованих Потемкином землях ще раніше звикли халяпувати як у своїй коморі. Запорожська вольниця, яка охоче ходила „пошарпати“ і в далекі краї, бувала у Кубанських степах, в Закубанні і взагалі на Переда кавказью, ще від тих часів, коли туди не сягала рука московських царів. Запорожці самі та і ватаги з південних козацьких Військ: Донського, Яїцького, Гребенського, раз у раз при широкій участі Запорожців, вешталися по Кавказських степах, або „вибирали“ на побережжю татарські села та городи при своїх морських походах. Гребенці, що сиділи тоді біля верхньої р. Кубані, в Малій Кабарді, були на р. Кубані як дома; в своїх стругах, ще кінцем XVI-го початком XVII ст., вони плавали по Кубані в море, нападали на турецькі і інші кораблі, самі і з'єднано з донськими і запорожськими флотіліями. Часто густо ходили запорожці по запрошенню ханів на Кубанських кочовників та на Черкесів, які невпинно сварилися з кримськими ханами.

3. Запорожці і Велике Військо Кубанське. Відвідували вони також станиці кубанських козаків „раскольщиков“, які ще за часів царя Олексія Михайловича виселилися на р. Куму, під проводом Петра Мурзенка, а потім осіли по Кубані від гирла р. Лаби до моря. Пізніше, після повстання козацьких отаманів: допського Булавина та кошового Гордієнка, коли Петро I зруйнував Січ, а на Дону винищив 44 козацьких городків і вирізав 50% населення, на Кубані осіло ще 2.000 емігрантів донців.

Вони вийшли з Дону під проводом Некрасова в 1708 р. і злучилися з бувшим вже там під зверхністю хана Військом Кубанським, як його іменували самі козаки і дипломати ханські та і московські, тепер більше відомим як „некрасовці“, або „изменщики-раскольщики“; туди приходили і осідали одиночками і ватагами і запорожці.

Військо Кубанське мало саме такий же устрій, як і інші козацькі Війська.

Оселі кубанських козаків були роскидані по всій пізнійшій території Війська Чорноморського, від р. Єї, по Ачувєському берегу, Бейсугу, Челбасам, аж до р. Лаби. Головний же центр Війська був на великому „Козачому Острові“ (Каракубанському), який був на нижній течії Кубані поміж Каракубанью і Козачим Єриком.

Цей остров по стратегічному положенню відповідав Козачому Острові на Дону і на ньому були головні городки й укріплення, зруйновані російськими кімліками в війну з Турцією р. 1739-го. Там же в м. Копилі сидів і турецький резидент-сераскир, доглядач за кубанськими землями.

Військо мало численну флотілію і свою „гармату“ — арсенал і артилерію. Воно прожило на Кубані біля ста роков; несло військову службу у хана, користува-

лося його симпатіями і було запеклим неприятеlem і пострахом Москви. Ще на кінці XVII в. воно було вже цілком осілим, мало свої церкви, монастирі, а в половині XVIII в. і архієрея — якусь от автокефальну кубанську козацьку церкву.

З підходом росіям до р. Кубані, Військові прийшлося покинути правий її берег. Суворов рапортом від 22 квітня (апреля) р. 1778 доносив, що „некрасовці“ росташовані „курєнями“, поміж горами, в лісу за устьем Кубані біля моря і мають 100 лодок та 4 думбаса для охорони від російської флотилії і що ці „одицальє в упорстве люди“ збираються до Анатолії, але не хочуть „вернуться в подданство“.

Такого флоту не мав ані Дін, ані Чорноморці, він міг підняти до 10.000 козаків.

Під час перебування під татарською зверхністю в р. р. 1709—1734, Військо Запорожське не раз, по вимозі хана, мусило ходити на Кубань втихомирювати бунтівників і запорожці, таким чином, добре пізнали ще раніше цей край.

Отже не дивно що в період Нової Січі, ми зустрічаємо на Кубанському побережжю сотки запорожських промисловців, які мають там і свої будівлі. Вони, навіть, не вибираючи загранишних паспортів, ходять туди з дозволу Кальміуського поланочного полковника „стоят і рьбу ловят и ее спеют не малое число“ (влялят, сушат), маючи на турецьких землях самовільно організовані промисли і не рахуючись з кордонами.

З приводу цього не раз виникали непорозуміння з російським урядом і кордонною охороною по р. Єї. Російській уряд не раз вислав в Кіш укази, боючися непорозуміння з турками, про те, щоби козаків „свести с барьерных мест и турецких владений и шалаши и другие строения разорить“.

Це однак не зробило належного вчинку, бо січовики не переставали ходити на Кубань за промислами і після заборонних указів.

Вони наче б то рахували ці землі, колишнього українського Тмутараканського князівства, майже за свої і, в кожному разі, претендували на них більше, ніж переходив там кочові народи і закубанські Черкеси, які були, більш номінально, під турецькою владою. Тим більше, що по знищенні Січі в 1775 р. на Кубань пішло досить запорожців. По Запорожжю тоді ходили чутки, які страшенно хвилювали російський уряд, що звідти козак Мусяйко приведе 30.000 козаків визволяти Запорожжя, бо Росія свого часу знала багато неприємностей від кубанських козаків і боялася, що вони спільно с запорожцями можуть наробити їх тепер ще більше. Тому на Кубань і був командирований сам славнозвістий Суворов стежити за козаками.

Незабаром Військо Кубанське вирушило морем до Анатолії під Трапезунд, але там прийшла чума і козацтво було переселено на Дунайські гирла, на ті землі, де вже осіли запорожці.

„Некрасовці“ не захотіли йти під московську зверхність, добре знаючи її обіцянки і справжнє поведіння з козацькими вольностями. Розібравши свої хати, поруйнувавши укріпленні городки, вони зі своєю гарматою і скарбом пішли краще в чужі Краї, не знаючи про те, що на їх місце скоро прийдуть нові, такі ж саме козацькі „ізгої“.

Таман, який за часів Тмутараканського князівства був притулком князів-ізгоїв, начеб то відновляв своє історичне минуле.

Цариця знов проявила свою „щирість“: вигнавши з кубанських теренів одних козаків, вона перегнала сюди з р. Буга других, яких саме 15 років перед тим вигнала з їх рідного Запорожжя.

Перед приходом Чорноморців на Кубань весь величезний обшар прикубанського Чорномор'я вже не мав зовсім „хазяїв“, з якими б могли виникати непорозуміння і Чорноморці могли вільно там халяпувати і колонізувати ставший тепер нам рідним Край.

Шамба Балинов.

Из истории Калмыцкого народа.

II.

Дальнейшая история Монголии теряет свою цельность и единство и характеризуется почти непрерывной борьбой с Китаем с одной стороны, и борьбой отдельных монгольских ветвей между собой, с другой.

Распадённые единой Монгольской Империи на отдельные государственные образования повлекло за собой и деление самого монгольского народа на две части — Восточную и Западную (Джунгария).

Отдельные монгольские племена, составившие Западную Монголию, были затем объединены в один общий Союз под названием — Ойратский. Состав его не был постоянным, а, в зависимости от условий политической и военной обстановки, менялся, хотя всегда составлялся в различных комбинациях примерно из одних и тех же племен. Видимо, одни вожди отдельных племен, в зависимости от местных условий, чувствуя свою силу и претендуя на роль самостоятельных князей, сами уходили из Союза, а другие в силу своей слабости, ища защиту от внешней опасности в объединенной силе Союза, входили в его состав.

В состав этого Союза в первое время входили племена: Чорос, Хёд, Хошуд и Торгоут, предки современных калмыков.*)

Позднее, племя Чорос распалось на две части: Дёрбаты и Зюн-Гары, из коих Зюн-Гары во второй половине XVIII ст. были почти поголовно истреблены манчжурами. Небольшие остатки этого племени ныне живут на Дону и Волге.

Затем, в XVI ст., в среде восточных монголов произошло новое деление — на Южных и Северных монголов. Таким образом, вся Монголия распалась на три части: Северную (Халха), Южную (Внутренняя Монголия) и Западную (Джунгария), которые часто враждовали между собой, причем и в этих трех отдельных частях не было внутренней сплоченности и единства, хотя в борьбе с Китаем им, объединенным под водительством того или иного предводителя, удавалось наносить серьезные удары Китаю и потрясать могущество своего исконного врага.

О первом периоде Ойратского Союза известно, что среди ойратов возвысился князь Батула, который в 1393 г. при хане монгольском — Эльбэке (1392—1399) захватил власть над всеми ойратами. Но это возвышение Батулы нарушило право другого ойратского князя Угэчи-Хашига. В происшедшей из-за этого борьбе Батула был убит и во главе ойратов стал Угэчи-Хашига.

В дальнейшем глава восточных монголов Эльбэхан, пытаясь распространить свою власть над ойратами, убил одного из ойратских вождей (Хуххая). Воспользовавшись этим предложением, Угэчи-Хашига в свою очередь убил хана Эльбэка, овладел большей частью территории восточных монголов и оставался правителем государства до своей кончины в 1415 г.

Власть над остальной незначительной территорией Восточной Монголии перешла к сыну Эльбэка Хана — Гун-Тимур, после которого в 1402 г. на его престол вступил второй сын Эльбэка хана — Олджи-Тимур, скончавшийся в 1410 г.

В первой половине XV ст. ойратские тайджи Махаму (Махмуд), Тогон и в особенности Эссэнь сумели подчинить своей власти и объединить монголов, а затем нанесли ряд тяжелых поражений Китаю. Особенно прославился Эссэнь-тайджи, который, со-

брав большую армию, вступил в борьбу с Китаем и в решительном сражении между Калганом и Пекином разбил китайскую армию, взял в плен весь штаб армии во главе с самим Императором, очутился потом под стенами Пекина, чем вызвал панику у китайцев, и они вынуждены были просить мира, который и был заключен в 1450 г.

В 1454 г. Эссэнь-тайджи вернулся и, ободренный своим успехом, объявил себя Ханом. Но против него был составлен заговор среди самих ойратов и в том же году он был убит.

При этом Тайджи Ойраты достигли наибольшей своей славы и могущества. Период Эссэна был как бы небольшим эпизодом, унесшим ойратов к славе былых дней Чингис-Хана и Хубилая. С его смертью открылась эра упадка среди них и руководящая роль перешла к восточным монголам.

Затем, Даян-Хану (1483—1543), после долгой и упорной борьбы, удалось объединить монголов и ойратов и поднять значение Монголии, но, вследствие того, что он, умирая, разделил Монголию в удел своим 11-ти сыновьям, значение ее опять упало. При этом разделе Северная Монголия (Халха) досталась шестому сыну его — Гэрсэндзэ, который, умирая, в свою очередь разделил свои владения между своими 7-ю сыновьями, что повело к дальнейшему дроблению Халхи.

Старшие сыновья Даян-Хана, ставшие во главе Южной Монголии, стали претендовать на главенство перед другими. Среди потомков этого хана затем появилось несколько выдающихся вождей: тумэтский Алтан-Хан (1550—1585), чахарский Ликдан-Хан (1604—1634).

При последнем возникла война между Манджурами и Китаем. Ликдан-Хан стал на сторону последнего и вместе с своим союзником Китаем был разбит манджурами. Ханский титул монголов был упразднен и он перешел в качестве особого титула к Манджурскому Императору, который на этом основании признал за собою право власти над Южной Монголией. У Манджурского Императора затем явилось желание подчинить себе и Северную Монголию, а также избавиться от беспокойных ойратов (западных монголов). Нужен был удобный случай, каковой подошел позже, когда возникла борьба между Халхой (Северной Монголией) и Ойратами (Западной Монголией).

Между тем, в Халхе выдвинулись потомки следующих детей Гэрсэндзи: Мунху, Амин-Дурал и Ашихай. От этих трех князей произошли три линии князей, присвоивших себе звание ханов.

Сын Мунху Абатай принял титул хана, но не самостоятельно, а по пожалованию Далай-Ламы и преемник его известен под названием Тушету-Хан. От Амин-Дурала: Цэцэн-Хан и от Ашихая: Засакту-Хан. Таким образом, Халха распалась на три аймака: Засакту-Хана, Тушету-Хана и Цэцэн-Хана, каковое деление существует и по сие время.

Одно время Абатай-Хан сумел подчинить ойратов своей власти и поставил над ними своего наместника Субэдэя. Но после смерти Абатай-Хана, ойраты изгнали монгольского наместника, а высланную монголами карательную экспедицию разбили.

В 1637 г. по просьбе Далай-Ламы хошуты двинулись в Тибет, где разгромили носителя светской власти, передав ее номинально Далай-Ламе, а фактически всю полноту власти оставил за собой князь Хошоут, получивший от Далай-Ламы титул Гюши-Хана, что необычайно усилило его авторитет в глазах его соплеменников и дало возможность ему стать во главе ойратов. Он умер в 1656 г. и на его место стал его сын Очирту-Цэцэн-Хан.

Одним из влиятельнейших членов Ойратского Союза был глава Зюн-Гар Батур-Хун-Тайджи, по смерти коего в 1653 г. власть над племенем Зюн-Гар перешла к его любимому сыну Сенгэ, который, подчинив себе

*) У калмыков существует интересный признак по которому, видимо, можно определить, к какому племени принадлежал в далеком прошлом тот или иной калмыцкий род. Это — т. н. „кость“ (ясан). В настоящее время среди калмыков имеются „кости“: хёд, хошуд, кэрёд, меркёд, шара-меркёд, мангад, шара-монгол и т. д. Каждая „кость“ имеет свою историческую легенду, объясняющую происхождение данной „кости“ (ясан). Эти легенды твердо передаются из поколения в поколение.

владения Алтан-Хана, стал выдвигаться. Но он был убит своим старшим братом Цэцэном. Это убийство вызвало возвращение из Тибета его единоутробного брата Галдана, где он был посвящен в монахи и изучал буддизм. Галдан начал с того, что, пользуясь своей личной связью с Далай-Ламой, присвоил себе титул Бошоқта-Хана. Затем он вступил в борьбу с своим единственным серьезным противником — Очирту-Цэцэном, убив его, добился власти над всеми ойратами.

Галдан, после ряда удачных столкновений с манджурами, но все же в конце концов побежденный ими, принял яд и отравился (не желая попасть в руки врагов).

После Галдана, во главе ойратов последовательно стояли: сын Сенгэ — Цевен-Работан (ум. 1727 г.), его сын Галдан-Цэрен (ум. в 1745 г.). Эти сильные, энергичные ойратские вожди не довольствовались ролью

владельцев Джунгарии, но пытались подчинить своей власти всю Монголию и сломить могущество Китая, что им, однако, не удалось.

Эта борьба между ойратами и манджурами в середине XVIII ст., после упорной борьбы при Тайджиде Амурсанане, закончилась победой манджуров, которые, таким образом, подчинили своей власти и Джунгарию (1757-1758).

За деятельность (борьбу) Амурсанана ойраты жестоко поплатились. Манджурский Двор предписал своему главнокомандующему истребить всех ойратов. Это распоряжение было выполнено буквально — целые племена — Зюн-Гары, часть Дёрбетов и Хошоутов были истреблены почти поголовно.

Так печально закончилась жизнь этого сильного Союза независимых монгольских племен.

В. Вазагов.

Соседи Казачества.

I.

Казачьи Земли имеют своими непосредственными соседями Кавказских горцев и вольных народов степей.

Долженствующая построиться на новых, свободных и равноправных началах жизнь народов юго-востока Восточно-Европейской равнины требует, конечно, самого серьезного изучения как в хозяйственно-экономическом, так и в политическом отношениях.

Но еще важнее знать народ в его историческом развитии, его индивидуальные качества, быт, нравы, религию, поэзию и пр., так как этими качественными признаками прежде всего характеризуется народ, определяется его удельный вес и его право на политическом поприще.

Изучить эту сторону своих соседей Казачеству необходимо еще потому, что вообще в международной жизни, а в частности и в казачьей истории наступает новая эра политических взаимоотношений.

Эти взаимоотношения, как известно, все больше и больше строятся ныне под знаком равноправия и свободы и характеризуются требованием уважения к правам и малых народов.

Начала взаимной неприязни и недоверия в прошлом должны быть заменены началами солидарного, культурного и гражданского строительства наших Краев в будущем.

Настроение задорного военно-бытового варваризма должно уступить место пафосу мира и гражданственности. И только под таким настроением история призывает казачьи и горские народы Кавказа в семью цивилизованных народов. И только такой мирный творческий порыв чреват в будущем положительными культурными достижениями. Иного настроения быть не может ни у кого из народов — соседей нашего юго-восточного Края во исполнение их исторических предначертаний.

Итак, в близком знакомстве с соседями, во взаимном уважении к правам друг друга заключается успех будущего мирного процветания наших народов.

II.

Одним из самых культурных народов из соседей казаков на всем переднем Кавказе являются осетины, имеющие многочисленную, организованную интеллигенцию, богатую историю и необходимые данные на самоопределение.

Непроходимые кавказские теснины, разделявшие пополам две страны света, действительно служили когда то человечеству своего рода природным фильтром, в скважинах которого, волей-неволей, застревали и часто сохранялись в своей неприкосновенной первобытности остатки всех тех народов, которые двигались в разные века из Азии в Европу, из Европы в Азию.

В настоящее время историография уже не сомневается в том, что осетины, или осы, называющие себя — одни иронами, другие дигоронами, представляют собой одних из первобытных обитателей Кавказа и один из самых старых народов индо-европейской семьи, гораздо старше германцев, славян и пр., Имя „асы“ — тоже, что „азы“, хорошо известно древним географам и историкам, упоминается и в русских летописях.

Страбон знает город Аза на Танаисе (т. е. Доне) приблизительно на месте теперешнего Азова, следовательно, около моря азов, т. е. Азовского.

Плиний в числе скифских племен, называет племя Асоei, жившее между Днестром и Дунаем, о котором Страбон сообщает, что оно переселилось из страны между Кавказом и Доном.

Самое слово Азия' очевидно, произошло от азов, давших свое имя и Азовскому морю.

Страбон под Азией разумеет специальную страну — Asia progia, а не часть света, и под именем ее описывает берег Меотийского болота (т. е. Азовского моря). Вообще все древние имя Азии тесно соединяли с Кавказом и Азовским морем. Недаром Геродот объясняет самое название Азии именем жены Прометея, прикованного к Кавказу. Ему же была известна „Гора Азов“. Слово „Саис-аз“ почти подходит к осетинскому „хох-Аз“ (гора Азов), или осетинское „кау“ (местожительство) — Кау-аз (т. е. местожительство азов).

Но самым веским доводом того, что между Азовским морем и Кавказом действительно жили в древности азы, служит памятник, воздвигнутый в 349 г. до Р. Х. женой первого архонта Босфора — Перизада, найденный на берегу Керченского пролива.

На памятнике этом сделана такая надпись: „Комозария, дочь Гергиппа, жена Перезида, чтобы выполнить сделанный ею обет, воздвигла этот памятник могущественным божествам Анергу и Астаре, в бытность Перизада архонтом Босфора и Θεодосии и царем азов, маетов и татеян“.

В 92-м году до Р. Хр., известный греческий путешественник Скимн Хиосский, ехав по направлению от Крыма к Кавказу, находил еще за устьем Танаиса по берегам Меотийского озера (т. е. Азовского моря) племя Аза-маетов, очевидно тех-же азов и маетов Перизада, тех-же ясов, с которыми бился впоследствии удалый Святослав.

Замечательно, при этом, что Скимн, как и большинство древних, границей Азии считал Дон, а не Кавказский хребет.

Таким образом, несомненно, что современные осы, или осетины сохранили название своих древних предков — народа Азов, связавшего свое имя с легендами европейских народов доисторического периода. О тех же азах говорят и саги северных скандинавов: в их мифах играют особенную роль Азы, обитатели „страны азов“

(Asaland), принесшие с юга на далекий север религию, язык, литературу и нравы*)

Значительное сходство корней нынешнего осетинского языка с немецким и другими индоевропейскими языками, а также некоторые древние обычаи, общие осетинам с немцами и ряд других общих признаков, делают предположения ученых правдоподобными. Известный ученый Клапрот, Дюбуа де Моэторе, доктор Пфафф и др. ученые, исследовавшие осетинскую народность, единодушно стоят за индоевропейское происхождение осов и за их ближайшее родство с германцами. По анализу Клапрота 740 осетинских и германских слов имеют общие корни и большое количество тождественных слов. Есть еще теории об осетинах, но они чересчур гипотетичны, априорны и бездоказательны.

Знаменитый итальянский путешественник Плано-Карпини утверждает тожество аланов и осов.

Иасафато Барбаро, писатель XV-го столетия, прямо говорит, что и имя Алании происходит от народов алан, которые на своем языке зовут себя „ос“.

Таким образом, современные осетины в истории проходят под именем асы, алане.

Арабские писатели Абульфеда и Массуди свидетельствуют, что осы (осетины) — воинственные горцы, населявшие северный склон Кавказа, вели нескончаемые войны с Грузией, то покоряясь ее царям, принимая от них христианских священников, то опять вторгаясь в ее плодородные равнины и немилосердно грабя их. Поэтому осы дорожили Дарьяльским ущельем, как ключом к югу и северу. Так как осы назывались аланами, то те же писатели называли Дарьял воротами „Баб-алан“.

Уже в V в. осы защищаются в Дарьяле против Давида-Гургаслана, который, по сказанию грузинской хроники, собрал на равнинах Мухрана 100 тысяч всадников и 60 тысяч пехоты, кроме войск своих союзников, с которыми армия его дошла до 212 тысяч, для отмщения осам за разорение Карталинии. Дарьял был взят приступом, осы и хозары были разбиты.

*) По свидетельству Раттера, взявшего эти сведения из хроники Снора Стурлезона.

Уже в VIII в. арабы, завоевавшие большую часть Кавказа и обратившие в ислам большинство христиан-горцев, содержат в Дарьяле свои гарнизоны.

Но в XI в. Грузинский царь Давид-Возобновитель пытается силой отнять у оссов Дарьял, которые отказались пропустить через него северных союзников грузинского царя, кипчаков. Точно также осы не пропустили через Дарьял впоследствии и полчища Чагинсхана, прорывавшиеся на север, но были разбиты монголами. Через Дарьял два раза двигался грозный Тимур, оставивший по себе следы в сел. Эльхотово и силой заставивший остальных христиан-горцев принять мусульманство.

Кавказские аланы (оссы)* образуют до XV в. сильное государство; имеют династию царей, которые рождаются с разными владетельными домами того времени, даже с византийскими императорами. Знаменитая грузинская царица Тамара, по матери была из рода осетинских царей и сама вышла замуж вторым браком за Давида-Сослана, сына осетинского царя Джадароса.

В эпоху осетинских царей сложилось, повидимому, и феодальное устройство осетинского общества, выделены знаменитые рыцарские фамилии, сохранившиеся и до сих пор и сохранившие память о своих предках-рыцарях, доспехи которых почитаются и ныне в качестве высоко-чтимых предметов. В эту же эпоху появились многочисленные замки феодалов, стены, башни, монастыри и церкви, развалины которых и по сей час привлекают внимание ученых и туристов.

Вот те краткие сведения из древней и средней истории осетинского народа, которые необходимо знать каждому гражданину, надеющемуся принять живое участие в деле восстановления на наших Землях новых форм государственного сосуществования народов.

В следующих очерках мы ознакомим читателя с бытом, нравами, поэзией и религией осетинского народа и последовательно перейдем к другим горским народам Северного Кавказа.

*) Часть их ассимилировалась на Сев. Кавказе, часть ушла на запад и тут оседала или погибала в войнах.

Вл. Кургин.

К Кубанскому Войсковому Празднику.

И опять Войсковой Праздник... И опять, большее нежели обычно, сожмется тугою сердце каждого Кубанца... В который уже раз в этот день наши признанные и непризнанные вожди эмиграции выражают твердую уверенность, что, вот — придет откуда-то какой-то барин и все устроит... И в следующий Войсковой Праздник мы будем дома...

Кто этот „барин“ — мнения весьма различны. Одним — барин — „интервенция“, другим — „эволюция“, третьим — „белый царь“, четвертым — Маркс в уменьшенном издании, пятым — „взрыв гнева народного“...

Барин придет и все устроит. И каждому „воздаст по заслугам“. И от „хладных финских скал и до пламенной Колхиды“ — воцарится тишь, да гладь, да великороссийская благодать.

В доказательство того, что придет именно его „барин“ и что именно он все устроит — у каждого вождя в портфеле тьма „фактов“, свидетельств, логических выводов и т. п. И у каждого все факты и свидетельства совершенно равноценны, равносильны. И на основании их можно-бы было представить, что все эти बारे прикатят туда — вместе.

Интервенционисты в подтверждение неизбежности интервенции именно в этом году, ловко скомбинируют свидание Чемберлена с Муссолини и Штреземаном, речь Бриана с прокламациями Обера, экономическую политику Хувера с „ходами“ Японии... Словом доказательств, к тому-же совершенно неопровержимых, сколько угодно.

Другие, на эволюционном стебле уже видят созревший в этом году плод гражданских свобод, красую-

щийся на удивление всей Европе — под сенью развешенной Чека.

Третьи, в доказательство роста монархизма в СССР, укажут на пример Албании, на кризис парламентаризма в Европе и Азии, а главоверхи от социализма, огласив сотни резолюций от туда и от сюда, красноречиво утверждадут, что, когда они в этом году преподнесут, наконец, русскому мужику тех-же Марксовых шей, лишь — пожизне, — он превратится в кроткого социалистического агнца и не отщипнет уж „цветы революции“, за которыми когда-то так безутешно плакал Керенский.

На „взрыв“ в этом году указывают тысячи фактов от туда: в Кобеляках убили продналога Митякина, в Джаркенде культпросвета Башмакова. У басмачей волнение. Непокойно у сартов. Таджики убили комиссара Зильберштейна. На Северном Кавказе уничтожили красноармейский отряд... Словом „русский народ“ уже начал расправу. Взрыв в этом году неминуем.

Казачи — слушают, молчат... Разве кто отпльшет наурскую...

Осчастлививший своим присутствием „докладчик“ уедет в свою партийную нору. Казачи опять разбредутся — „трбухом за крухом“. И опять все по старому. Одни ждут эволюцию, другие — царя, третьи — взрыв... Смотря по тому — кто какого докладчика и информатора слушал.

Во всех этих грядущих, скорых: падении, воцарении, взрыве и т. д., Казачество — авангард. А потом, по осуществлении пророчеств — иль „бессменный доблестный часовой“, иль „опора“, иль такой-же социалист —

ческий агнец, как и все, — хлебающий марковсы ши из общего котла.

В первом и во втором случае, Казачество — постольку, поскольку. В третьем — вообще и нет никакого Казачества.

Казачество, как политический фактор, которое может смель свое суждение иметь... Нет, таким „признанием“ не удостоила нас ни одна из русских политических партий, ни один вождь, обещающий казакам в „этом“ году — барина. Не учитывается и то, что Казачество может и не хотеть никакого барина. А само поищет путей на родину. Само найдет средства передвижения. И в своем котле сварит свой борщ — для себя...

В этот день Войскового Праздника можно уже с точностью установить, что Казачество перестало — слушать и молчать; перешло к словам. Переходит и к делу. Поздновато, правда. Но, начавшийся процесс собирания своих сил для достижения своих собственных целей не останавливается и не остановится.

Если эти цели и не совпадают с целями опекавших нас — помочь не можем. Ведь нас никогда не спрашивали о наших целях. Не находили к тому „данных“. А и как-бы, когда даже среди наших „бывших“ еще находятся такие, что все Казачество третируют как „пережиток“, деградировавшее до общего уровня солловий. Но — нет правил без исключения. А подобные Санчо-Панчи, к счастью, редкое исключение. И пусть себе со своими Дон-Кихотами сражаются за воображаемую Дульцинею... Ибо, в действительности, существует все же „союз республик“. Пусть и большевицкой природы. Но процесс дифференциации в „республиках“ все-же идет. И собрат их во Едино, на принципе, желательном Дон-Кихотам — мертвое дело.

В этот день Войскового Праздника пусть Кубанцы не тешат себя никаким баринном. Пусть не ожидают, что он все как-то устроит. Ибо никто нам ничего не устроит, если мы не устроим сами. А строить нужно теперь, сейчас-же. Всем Кубанцам, где-бы они ни были, нужно и должно теперь, сейчас же вступить в ряды тех... Кто у драній свитині

Волю Кубані кув і в чужині.

Тогда м. б. следующий наш Праздник уж застанет нас Вольными Казаками.

Оно, конечно, легче ожидать, что нам нашу судьбу, судьбу Казачества, устроит кто-то другой. Да ведь другой-то, без нас так нас устроит, что самих себя не узнаем.

И пусть у нас на этот счет не будет никаких иллюзий.

В этот день Кубанского Войскового Праздника казаки не только должны вспоминать „чем были“, „что имели“ и „что дали“... Все это повторялось. Все это мы знаем. Не отрицают за нами этого и „такие авторитеты, как генерал Деникин“.*)

— Воля к борьбе — была (110.000 бойцов!).

— Доблесть казачья Кубанцам не изменила.**)

— Об общих, Российских, интересах в угоду своим не забывали.

*) Вольная Кубань“ № 49. 1/11. 1927.

***) „Очерки рус. смуты“ г. Деникина.

Шесть раз повторялось это на Войсковых Праздниках.

В 1927 году добавили робкий вопрос: а все-же... „как дошли мы до жизни такой“?..

И поскорее, под звуки лезгинки, сдали и вопрос и ответ на него — истории. А чтобы „почетные гости“ не расслышали вопроса, с бокалами в руках, закричали:

„За Великую, Могучую Россию,

За Доблестное Казачество“!

И — „Все, слава Богу!.. Все хорошо“!

Все разберет и все поставит на свое место — история...

Боже мілі — чуда великого!.. Живыми лечь в архив, чтобы оттуда вытащила история!

Завидная перспектива!

А если к тому-ж история будет „отечественная“, какую мы дома учили, перспективы еще завиднее.

Нет. В этом году, в день Войскового Праздника, Кубанцы должны начать Праздник тем вопросом, который в 1927 году появился к концу. И который, скомкав, запрятали в мешок — историю.

Это и естественно: начать с того, чем в прошлом году кончили. Тогда говорили:

— Когда казаки „без разсуждения двинулись по Московской дороге к сердцу России, устлая своими телами территории далеко за пределами родного Края“... „нас обвиняли в „самостийности“... „те“ (обвинители В. К) или „сознательно лгали, или твердили по неведению“...*)

Теперь нужно и должно сказать: да, не только обвинители твердили свое по неведению, но и само Казачество устлало своими телами Московскую дорогу по неведению (своих интересов) тех, кто его на ту дорогу завел. Да, когда Кубанское Казачье Войско, самостийники, шли „по Московской дороге“ „без рассуждений“ за Единонеделимцами, устлая своими телами территории далеко за пределами родного Края — и есть та роковая ошибка, которая довела нас до „жизни такой“.

Еще раз устлать своими телами территории далеко за пределами родного Края — Кубанцы не намерены.

И — самостийность это, или нет: кому как угодно. Планетарный тост за бокалом вина нужно свести на Пределы Родного Края:

— За Вольное Казачество! За Свободную, Суверенную Кубань!

Об общих-же интересах будем говорить тогда, когда закрепим за собою свои интересы.

С тем поздравляем Войско Кубанское — Вольных Казаков с Войсковым праздником!

Тех, что томятся под игом красной Москвы и всех обретающихся в рассеянии. И зовем их словами нашего Кубанского поэта:

— Так з'їднаймося ж до купи

Міцною сім'єю

Та добудем собі волю

Кровію своєю.

*) „В. Праздник в Белграде“ „Воль. Кубань“ № 49. 1927 г.

С. Галданов.

Старая песня.

(По поводу брошюры В. Синеокова — „Казачество и его государственное значение“. Париж. 1928 г.)

Судьба не благоволила к Казачеству: оно не имело и не имеет еще объективно написанной истории, хотя его прошлое достойно пера лучшего исследователя. Отсутствием такой истории Казачества можно понять и объяснить, как в казачьей среде появляются историки, деятели вквивь и вкось толкующие историю и общественно-политическую природу Казачества, часто и настоячиво убеждая казачью массу, что лучшая ее доля — быть бичом в руках русского самодержавия, русского

централизма (безразлично — монархического, больше-кого или республиканско-демократического).

Подобной проповедью, по существу, занялась и вышедшая недавно в Париже брошюра г-на Синеокова: „Казачество и его государственное значение“, с предисловием ген П. Н. Краснова.

Уже одно это предисловие достаточно говорит о направлении данной брошюры, ибо мы знаем как ген. Краснов стал смотреть на Казачество в эмиграции.

Автор предисловия пишет, что все, кроме него и его единомышленников, «преследовали не цели исторической правды, но узкие партийные цели, говорили о казаке с точки зрения нужной им политики... За границей все стерлось, отшлифовалось временем и невежеством. Партийная обработка создает героизм там, где его нет, из разрушителей делает героя»...

Герои — Красновы, а «разрушители, достойные анафемы» — Разины, Булавины и др.

Не будем возражать против подобного «непартийного», «просвещенного» утверждения б. атамана Краснова, ибо мы знаем, как относился к Разину и его деятельности народ, видевший, не без основания, в нем своего защитника от угнетателей. Для народа имя Степана Разина было бессмертно, и он воспел его в сотнях песен, которые теперь поются по всему миру. Народ называет его «наш батюшка, Степанушка, младясен-сокол» и т. д., чего не заслужил еще ни один из «созидателей» казаков.

Какое впечатление произвела на Дону смерть «разбойника» С. Разина свидетельствует нам песня, любовно сложенная народом:

*Помешался весь Казачий Круг —
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича
По прозванью Стеньки Разина...*

Ген. Краснов пишет: «Дома — рассказы и песни стариков. Дома старые книги, история Войска, старые газеты и журналы, архивные дела. Справка точная, авторитетная и верная. Дома разрушителей казачьего благосостояния, потрясавших и Москву, в герои не запишешь»...

Верно. Но слова Краснова должны быть отнесены к нему самому, ибо все мы знаем, как он дома, видимо, по «точной, авторитетной, верной» справке, выражая подлинное желание Казачества, в качестве выборного главы пятимиллионного народа, как равный с равным говорил с Германским императором; как защищая престиж избравшего его «пятимиллионного народа», настоял на том, чтобы в свое время представитель Англии сделал первый визит ему, Краснову, как избраннику народа; как затем, упорно, он не признавал ни Деникина, ни Добровольческую армию. Видимо, тогда «справка точная, авторитетная и верная» вынуждала Краснова действовать так, а теперь «прошло восемь лет с того рокового дня», как он лишился народных корней и «все стерлось, отшлифовалось временем» и... да здравствует Императорская Россия и казаки — бессловесные слуги царя!

Времена меняются, меняются и люди!

Краснов говорит, что брошюра Синеокова «указывает причины образования казачьих войск по окраинам Русской земли... Она, извлекая ответ из более чем пятисотлетнего существования казаков в России, говорит о возможном их будущем, от них самих зависящем».

Но сама брошюра, к сожалению, на эти два кардинально важные вопроса (историческое происхождение и возможное будущее Казачества) никакого ответа не дает, или, вернее, ничего нового не сообщает. Все — старый гуд на новый лад. Вместе с тем, брошюра отличается двумя особенностями: бездоказательными категорическими утверждениями и противоречиями.

Автор брошюры указывает, что Казачество «образовалось из русских людей, и что не только смешно, но и преступно (!? С. Р.) утверждать о какой-то особой донской народности или казачьей вообще».

И тут же пишет: «Происхождение Казачества так же темно, как и происхождение самой Руси»...

Раз Казачество «образовалось из русских людей», то, казалось бы, происхождение его совсем не темно, а если происхождение «темно», как утверждает автор, то его первое утверждение произвольно.

... «Когда зародилось Донское войско, трудно установить. Известно только, что в Куликовской битве 1380 г. участвовали Донские казаки, а где они жили, — о том ничего не известно»...

А когда другие казаки на основании тщательного изучения исторических документов указывают это са-

мое, Синеокову неизвестное местожительство предков казаков, автор брошюры «научно» отвечает: смешно, преступно, ибо это не соответствует интересам «Державной России».

И выходит, что происхождение Казачества «темно», а те, которые пытаются разяснить это «темное» место, — преступники. Своеобразная логика, тоже «научный» подход!?

Так одним словом «убив» самостийников, Синеоков кратко вещает: казаки — русские люди, плоть от плоти, кровь от крови русского народа и на этом основании он категорически не признает за казаками права на самостоятельную жизнь.

Но если даже допустить, что казаки суть исключительно выходцы из Великороссии, то является ли это основанием для отказа казакам в праве на самостоятельную жизнь? Ведь целостность и единство определяется не только общим происхождением, но также и укладом жизни, характером быта, общественным строем, политической формой бытия и т. д. и т. п.

А что эти черты совершенно отличны у великороссов и у казаков не отрицает и сам автор брошюры, который пишет: «Будучи вещью, мог ли крестьянин воспитывать и укреплять в себе гражданские понятия о его долге перед обществом и государством. Мог ли он выработать в себе понятия о государстве, о гражданских доблестях и обязанностях? Конечно, нет». А Казачество, по мнению автора (с чем мы вполне согласны) всеми этими качествами несомненно обладает.

Автору должно быть известно, что теорию о Казачестве, как о народе, отличном от великорусского и украинского, впервые выдумали не теперешние самостийники, а она существовала и раньше. Обосновывалась и доказывалась эта теория в различных специальных научных трудах. А раз существует научная теория, она остается теорией, пока научно же не будет отвергнута. Тут одними «изречениями» ничего не поделаешь.

«Объяснив» происхождение Казачества, Синеоков переходит к описанию всех действительно блестящих подвигов Казачества, говорит и о той «награде», какую получило Казачество за все свои подвиги от благодарного русского народа: «Слово казак стало синонимом грубости, наглости, жестокости, зверства... Когда наши народные представители получают власть, то казачий вопрос будет одним из первых, которым они займутся и разрешат его в смысле уния и что же ния этой военной касты»...

Дальше он пишет, что для русской общественности казак был — «какой то злодей, препятствующий развитию новой мысли. И эта общественность так прославилась и очернила в печати казаков, что внесла в простую казачью душу сомнение, не являются ли они на самом деле палачами мысли»...

Славная аттестация!?

Между прочим, по утверждению г. Синеокова, Казачество существовало (м. б. и теперь существует? С. Г.) не только в пределах б. Российской Империи, но и по всему миру: и в Византийской Империи было Казачество, и в Венгрии, и в Северо-Американских Соединенных Штатах и т. д.

В своем старании доказать, как Москва любила и жаловала казаков, г. Синеоков договорился до того, что будто бы Казачество не имело своей территории. Казачьей кровью отвоєванная и казачьими жизнями отстаиваемая река Дон, якобы была пожалована казакам Москвой, и пишет: «Царь Иван Грозный в 1552 г. пожаловал реку Дон казакам за участие во взятии Казани»...

Нечего сказать, «щедрый» царь, жалующий то, чего сам не имел!

На этом основании Синеоков утверждает, что казаки всегда были в подчинении Москве, ибо «жаловать можно только тех, кто состоит на службе»...

Жаль, что автор в книге, претендующей на научность, оперирует сомнительного происхождения легендами о «пожаловании» Дона казакам. Ведь с таким же «основанием» Иоан Грозный мог бы пожаловать Влтаву чехам. Но сами казаки понимали совершенно иначе и в старинной казачьей песне говорится:

Не сохами-то славная землюшка наша
 распахана...
 Распахана наша землюшка лошадиными
 копытами,
 А засеяна славная землюшка казацкими
 головами,
 Украшен-то наш Тихий Дон молодыми
 вдовами,
 Цветет наш батюшка Тихий Дон
 сиротами,
 Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
 материнскими слезами...

Интересны некоторые категорические утверждения автора:

... „Казачество сохранило свою полную русскость, чего нет у высшего слоя русского общества, и развило и не раз проявляло гражданственность и здравую государственность, что видимо отсутствует (ибо находится в скрытом (?) состоянии) у 80% русского населения“.

Значит, у высшего слоя русского общества нет русскости (по словам автора это качество убили у русских инородцы), нет ее также и у 80% русского населения. А где же, спрашивается, русский народ?

Оказывается, подлинно русским народом, сохранившим свою русскость, является только Казачество. И оно „как наиболее крепкий и стойкий элемент в государственном отношении с одной стороны, и в отношении русскости, именно русского духовного „я“ (вера, язык, обычаи, предания и проч.) с другой, должно стать носителем русской национальной идеи и повести за собой оба слоя нашего (т. е. русского, С. Г.) общества, вышший, как уже потерявший национализм, и низший, как еще его не выносивший в себе, и объединить, таким образом, собой русское общество“.

Так определяет г. Синеоков будущую историческую миссию Казачества. А вот взгляд его на ближайшую практическую задачу Казачества.

Казачество „представит большую государственную ценность для центральной власти и станет на свой исторический путь служения родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством. Если 500 тысяч фашистов и 600 тысяч большевиков достаточно, чтобы держать всю страну, то 2 миллиона казаков... смогут в случае необходимости, поддержать порядок“...

Другими словами, Синеоков желает видеть казаков только в роли воспитателей и усмирителей „высшего слоя русского общества, потерявшего свою русскость“ и 80% русского крестьянства, не имеющего еще в себе этой русскости.

Только согласится ли само Казачество взвалить на свои плечи такую задачу? Присмотрит ли и само русское общество подобную услугу казаков и не окрестит ли оно казаков еще каким нибудь более „лестным“ эпитетом?

Брошюра Синеокова дает не мало сведений о подвигах казаков, об истинном отношении к ним русского общества, но выводы, которые сделает масса читателей казаков, в руки которой попадет эта брошюра, несомненно будут иными, чем у станичника Синеокова; эти выводы по всей справедливости и основательности будут идти против мнимо-научных, наивно-миссионерских, воспитательских и „усмирительских“ заключений брошюры Синеокова.

Довольно взнуздывать Казачество, пора ему раз и навсегда отбросить умственный и политический намордник, перестать быть усмирителями в утеху и удовольствие оцекунов народов б. Российской Империи.

Пора, наконец, Казачеству, вопреки всем усилиям его поработителей, выйти на принадлежащий ему и единственно ему достойный, свободный, вольный, его волей творимый путь казачьего строительства, казачьей жизни:

Путь Вольного Казачества в союзе и сотрудничестве с вольными народами...

Кубань в большевицком зеркале.

IV.*)

Казаки и „городовики.“

Как то я сидел с местным человечком, который хорошо, как мне говорили, знает Кубань, и разговоривал про здешние дела... Не помню сейчас о чем я его спросил, только он ответил мне:

— А, знаете, часть иногородних и сейчас еще стоит за старые казачьи порядки.

— Богатые, наверно, — переспросил я недоверчиво.

— Нет, как раз беднота...

Я развел руками, ибо эти слова расходились со всем, что я успел услышать от других и прочесть в материалах про Кубань. А мой собеседник продолжал:

— Это понятно почему. Раньше батрак, иногородний, имел работу у казака а теперь казак сам работает. Вот он и сидит без работы и зубами цокает.

— Но позвольте ж, — иногородние получили землю или нет?

— Получили. Так что же из этого. Но они не умеют хозяйничать. А казак работает сейчас, как вол. Своего рода конкуренция, так бы сказать...

— Признаюсь, — сказал я, — что вы для меня новое открываете. Ну, а середняк?

— Средняк — иногородний, безусловно за советскую власть.

— А скажите, какое было правовое положение иногородних до революции?

Он на минуту задумался. Видно раздумывал: сказать ли мне или нет.

Тем более, что, кажется, его симпатии были на казачьей стороне. В конце концов, он сказал:

*) См. № 17—18 „В. К.“

— По сути, иногородний не имел никаких прав. В общественных делах станицы, даже тогда, когда он был богатый, он никакого участия не принимал да и не имел права на это.

Про это даже смешным было бы и говорить. Иногородние, по сути, были какими то париями. Даже в казачьи школы иногда их детей не принимали и они вынуждены были строить свои.

Оно и понятно: полными правами могут пользоваться только граждане, которые несут все тягости и обязанности, иногородние же их не несли и „натурализоваться“, приписавшись в казаки, не хотели, поэтому и терпели ограничения.

— Вот как, — протянул я. — Какая то низшая раса, что ли?

— Что то вроде этого, — неохотно согласился он.

— Землю покупать они не имели права. За усадьбу (по местному „план“) платили посаженную плату. Плата эта колебалась между 1—6 коп. за сажень.

Правда, перед революцией было течение между казаками, чтобы богатых иногородних принять в казаки. Сказать бы, они у нас долго живут, обжились. — Здорово не удержался я, — а бедные?

— Ну, что же бедные. С бедными бывало то, что с них иногда и за церковные требы брали дороже, чем с казаков. Было, так бы сказать, две таксы: одна, более дешевая, для казаков, другая, подороже, для иногородних.

— Почему же так?

— Но, знаете, казаки давали причту землю и много, иногда жалованье, а иногородние нет...

Землю иногородним можно было покупать только у дворян (остальная земля была войсковая — не про-

дажная) и покупали ее, разумеется, богатые. Но владение землей все равно не давало еще никаких прав. Нужно было быть казаком.

— Я думаю, что отношение властей к богатым иногородним и к бедным было неодинаковое, — сказала.

— Ну, разумеется. Богатый знал и станичного атамана и влиятельных казаков! А бедный, что? Былинка. Например, станичный атаман имел право во всякое время сказать ему: — убирайся! — и тот должен был забрать с „плана“ хату, или бросать ее, или продать.

— Меня теперь не удивляет, почему иногородние так стояли за советскую власть.

— Да еще как! — охотно согласился он. — Были такие, что бросали по две тысячи пудов обмолоченного хлеба*) и шли до красных.

— А что же оставалось им делать? Раз он думает выйти из сословия „гамсела“**) то красные были для него единственным путем...

Я завел этот разговор с единственной целью чтобы в наочной форме показать взаимоотношения между обеими частями населения Края: казаками и „городовиками“. „Городовик“ — это пришлый элемент, это не казаки. До 1861 года „городовиков“ было совсем мало.

Дорогу на Кубань селяне знали. Сюда бежали крепостные, казаки их охотно принимали, разумеется не ради какого то там человеколюбия, а как дешевую рабочую силу (?!).

Как рос процент „городовиков“, можно судить из таких данных: в 1878 г. их было — 17,9%; в 1888 г. — 53,2%; 1898 — 56,4%; 1908 — 55,5%. В 1916 г. казаков считалось 1.367.212, городовиков 1.802.219, иначе — городовики представляли 57% всего населения. „Як черви“, говорили казаки.

Таким образом, городовики составляли больше половины населения, а никакими правами не пользовались, да, к тому же, еще их и „гамселами“ называли, и казаки их мало что не за дармоедов считали, что сидят на казачьей шее.

Правда ли это?

Местные исследователи совершенно иного мнения о роли городовиков в Крае.

Так, один из них, Мельников пишет: „иногородние как оседлые, так и неоседлые, вместе с рабочими, приходившими на место, являются главными производителями сельско-хозяйственных ценностей.“

Без их труда совершенно немыслима была бы разработка громадных площадей области под хлеб.

Землю городовикам казаки сдавали охотно, ибо это чрезвычайно подняло ценность земли.

Доходы от войсковых земель увеличились: в 1875 г. общественный капитал был 130.206 руб., в 1899 г. он возрос до 3.631.834 руб. На одну душу населения приходилось из этого капитала: в 1875 г. — 23 коп., а в 1898 г. — 7 руб. 41 коп.

Казак-станичник жил зажиточно. На хатах и даже на сараях появились железные крыши, мебели и приборов стало больше. Одних швейных машин Зингера расходилось в области на 100.000 руб., причем большая часть приходилась на казачье население.

В отношении к безземельным иногородним казачество становится коллективным помещиком.

С „городовиками — хлеборобами“ оно ведет упорную борьбу...

К тому же, в Крае иногородним был предоставлен торговый и ростовщический капитал; среди этой группы было много мошенников. Это точно также обостряло борьбу.

Не малую роль в борьбе городовиков с казаками играли „должности“ по службе в разных учреждениях. Казаки считали себя монополистами на все „должности“, особенно „тепленькие“ и были, конечно, недоброжелательными другими претендентами, а иногородние, более способные, вытесняли их.

*) Это „бедняки“—то! (Р е д.).

**) „Гамсел“ значит „хамом сел“ — глумливое название „городовиков“ придуманное казаками. П. Л.

Таким образом, перед войной казакам стало туго-важно жить. Виновными в этом оказались, как и следовало ожидать, городовики, как бесправная часть населения; это благодаря им стало тесно, а поэтому — „вон их из области“.

... Одним словом на Кубани, может быть как ниде в старой „России“, население было резко разделено на две части: одна большая, экономически слабая, другая — сильнее. Одна посаженная плата чего стоила! „Пятак“ — не больше и не меньше. 60 руб. (и больше) арендной платы за одну усадьбу, причем и бедный, и богатый, и купец, и батрак платили одинаково.

А вот картинка из станичной жизни.

Во время крестного хода городовик хочет взять нести хоругвь. Сразу, неожиданно, сзади он слышит голос казака:

— А ти її „справляв“, городовицка твоя душа, що хватаєшся за неї?

Одним словом, к моменту революции горячего материала на Кубани было более, чем нужно.

Нужно было только поднести спичку, чтобы все запылало в пламени гражданской войны. Этой спичкой оказался октябрьский переворот в Ленинграде.

Казаки не понимали положения, обороняя свои права и сословные привилегии, они рассматривали их, как права национально-казачьи и были закоренелыми в своем „национал-казачьем“ шовинизме. Или будь казак, или ты на Кубани не человек.

V.

Борьба за советскую власть.

„Ой у полі жито
Кошитами збито“.

Вы едете степью, ровную, как море. Только зеленая пшеница под ветром колеблется да далеко в небе вырезаются тополя, то — станица. Станицы со всех сторон: справа, слева, спереди, сзади.

— Далеко? — спрашиваю возницу.

— Та хто його знає. Коли верстов не з двадцять буде!

И так час, два, три. Картина однообразна.

К вечеру приезжаем в станицу. Широкие, прямые улицы, — все станицы распланированы по войсковому, — а по сторонам дворы — крепкие, зажиточные, широкие.

На краю станицы, да между „казачьими гнездами“ другие хатки — меньше, низенькие, камышем или соломой обшитые. Около них и дворы меньше и садки не такие роскошные.

„Зажиточные“ и „незажиточные“. Или по здешнему, по „кубанскому“, — казаки и городовики. И одного поверхностного взгляда достаточно, чтобы понять классовое расслоение станицы.

А в дворах казачьих тоже небольшие хатки — то жили „квартиранты“, долгосрочные батраки, которые не имели ни своей собственной хаты, ни куска земли. И таких „квартирантов“ в кубанской станице было около 20% населения.

Вот, говоря натурально, не то что в станице, но почти в каждом дворе были представлены два социальных класса, которые потом сцепились в борьбе и эта борьба длилась целых три года.

Не очень охотно вспоминает про это Кубань.

Спросишь у „городовика“:

— Ну, как, лучше теперь вам?

— Да будто и лучше, — в раздумьи отвечает он. — Вот только беда: „помочи“ мало. Зацепиться трудно.

А казак скажет:

— Оно все ничего. Советская власть как будто и на хорошее поворачивает. Только вы скажите почему так: как только городовик попросит землю, ему так и дают. Хотя бы раз отказали, а с казаким иначе...

Еще не забылась старая враждебность. Слишком много было взаимных оскорблений. И оба лагеря понемногу, очень медленно сближаются один с другим.

— Времени надо, времени! — так формулировали мне в станице местные деятели, — пускай подрастет молодое поколение.

Три года пылала Кубань в пламени гражданской войны. Боролись две силы — черная и красная. И может быть та борьба была бы не такой болезненной, не такой острой, если бы не всероссийская контр-революция, что слетелась сюда со всех концов Советской России.

Кубанская Рада, и казачья старшина, и „крепкий“ казак, что кричали:

— Как? Городовикам землю? Ту, которую наши деды и прадеды кровью поливали? Ни за что!

„Городовик“ стал налегать на „земельные реформы“. Казачество упиралось.

— Да это что? Чтобы городовикам одинаковое право? Да не будет этого никогда!

А сторонники „казачьего духа“ говорили:

— Городовики хотят сами стать казаками, а казаков обернуть в городовиков.

— Вот как? — тянули старые, — молодежь была на фронте. — Ну, посмотрим, чья сверху будет...

Городовики искали союзника, союзник нашелся — пролетариат, который выбросил лозунг:

— Одинаковые права и землю городовикам!..

Городовики же, когда пришли сыны с ружьями, стали насадить по своему.

— Давай землю... Расскажи Кубань... Довольно! И началась борьба...

Снова еду ровной степью. Снова зеленая степь. И горы влево. Почему то вспомнились слова из песни:

Ой у полі жито
Копитами збито...

Топтали степь три года. Свистели пули. Гукали зловеще пушки.

Теперь тихо. Кубань стала красною — красные победили. При новой власти она возвращается к мирному труду. Зеленеет степь. Наливается пшеница „кубанка“. Цветут садки.

Началась новая полоса в истории Кубани.

Сеется новое зерно. Растет новая станица. Но еще мало заметен этот посев.

Скептики, когда им скажешь про это, покачивают головами.

— Ой не говорите!.. Да тут такое, тут такое... и снова недоверчиво покачивают головами.

Позвольте не верить им. Позвольте надеяться, что „Красная“ Кубань стала фактом, которого не вычеркнешь, не выбросишь, не забудешь.

— Год, два, пять, самое большое десять — и вы уже не узнаете нашей станицы, — сказал мне один „наш“ человек во время „широкого“ разговора.

Думы и мысли казачьи.

Первые!

Постановление.

1928 г., 29 июля. Мы, нижеподписавшиеся, казаки Кубанцы и Терцы, быв сего числа на заседании под председательством К. П., имели суждение о нижеследующем: до 1928 года мы не слышали ни одного казачьего голоса, который призывал бы нас выступить на защиту родных наших Краев, в 18—20 г.г. объявивших себя самостоятельными государствами. Мы не слышали, чтобы кто-либо из братьев казаков позвал нас на пожертвование в фонд спасения этих государств, напротив, когда явились люди, которые заговорили об этом, когда начали призывать нас к восстановлению того, за что нами пролито море крови и что поругано советской властью, то некоторые из нас начали обливать заговоривших помоями. Между прочим, из обстановки давно видно, что нам, казакам, нужно думать о спасении наших Краев. Если великорусский народ принял советскую власть покорно, то мы, казаки, не желющие мириться с этой властью, не имеем нравственного права образовать фонд для спасения народа, который властью доволен... Нам нужно образовать свой собственный казачий фонд для спасения наших Краев, т. е. Краев, которые воевали два года за свою независимость. Остановившись на этом, мы и постановили: отчислить от своей заработной платы 60 динар, которые посылаем в фонд спасения Дона, Кубани и Терка. Пусть эта лепта вдовы послужит сигналом, призывающим всех наших братьев казаков объединиться во-едино и дружно выступить на выполнение нашей заветной мечты.

Для руководства этим делом необходима сила, эту силу мы и видим в людях, открыто заговоривших об этом...

Сумму, собранную нами в настоящем передаем редакции „Вольного Казачества“ для образования фонда спасения Седого Дона, Вольной Кубани и Бурного Терка. В чем и подписываемся:

Казаки — Кубанцы: вахмистр К. П.; подхорунжий В. П.; старш. ур. Ф. Б.; ст. ур. С. М.; мл. ур. Н. Д.; терец — подхорунжий И. С.

Вбувайтесь, козаки, у свої чоботи!

Робив москаль аж десять років,
Та приміряв, бач, з усіх боків
Для „матушки Росії“ констітуцію;
А потім десять літ старався,
Мов чорт у пеклі, побивався, —
„Безкровну“, бачиш, правив революцію.
Мало кому була подобна,
Та й для народу неспособна
Таки ота куценька констітуція;
Ой та ще гірше всім набридла,
Осточортила й остогидла
Триклята душолюбна революція!
Ждем-дожидаємо ми краю
Тому большевицькому „раю“,
Що більше він пеклом називається;
Де тільки всякий злодіяка,
Вор, душолюб та сибіряка
У тому раю живе-наживається.
Були нам з москалем клопоти,
Як його пушки й пулемьоти
Під станицею було стоять-бухають;
А народ з усіх вулиць суне
До тії чортової трибуни, —
Стоять, брехунів „товаришів“ слухають.
А ті кричать: „Прийшла слобода
І власть трудового народу!
Смерть усім палачам-буржуям з кадетами!
Тепер в станицях добре буде:
Будуть „товариші“ всі люде,
Та скрізь наші совіти з комітетами“.
Далі верзуть з тії трибуни,
Що зроблять ще й якісь „коммуни“,
Аби держались всі за революцію;
А як народ чого не схоче,
Так пулемьот і затуркоче,
А тоді ще й накладуть контрибуцію.
Чи не добро було народу?
Держись за чортову „слободу“,
А на совіті знай мовчи та слухайся;
Оддай свій хліб, оддай коняку,
Шашку, сідло щей товаряку,

А послі сиди, в потилиці чухайся.
 А суперечить — боронь Боже!
 Тут і „слобода“ не поможе:
 Прощайся тоді з жінкою та з дітками!
 Ще й треба у комиш тікати,
 Та комарів там годувати,
 А дома заберуть добро з пожитками.
 Така московська та „слобода“
 І „власть трудового народа“,
 Що гидко і тепер про те нагадувать;
 Зазнав козак із нею лиха,
 Не захистила й рідна стріха, —
 Довгенько будем „товаришів“ згадувать.
 Бодай не знати того часу!
 Наколотив, бач, москаль квасу,
 А досталось і нам його розхльобувать...
 Як хочем ми Кубань побачить,
 Не треба з москалем куначить,
 Щоб не прийшлося ще гіршого попробувать.
 Збирайтесь козаки до кучі:
 Покинем лапті та онучі,
 Та давайте вбуваться в свої чоботи!
 Чи не доставем ми слободу
 За для козацького народу,
 Чи не побачим швидче рідні слободи?

Мартин Забігайло.

Когда расходятся пути.

Те, кто желает испытать подлинную скуку — жестокую и мертвую, те — пусть идут на собрание российских „демократически“ настроенных эмигрантов. Слово „скука“ — во всей его остроте и тошнотворности познается именно т.м.

Эта мысль пришла в голову молодому кубанскому учителю Гребенко, сидевшему в роскошной зале Hotel Palace на докладе одного из „левейших“ русских профессоров, весьма пространно толковавшего „о причинах поражения русских войск на реке Калке“.

Вопрос, казалось бы, не особенно злободневный, отнюдь не острый. И, тем не менее, каждый из сорока присутствующих считал своим долгом встать и, привычно театральным жестом откидывая волосы или, за неимением таковых, проводя просто ладонью по лысине — провозгласить: „не соглашаясь вполне с докладчиком, я, как русский патриот зарубежный и как социалист, считаю, что, хотя“... И пошел, и пошел... Этак — минут на пятьдесят.

Гребенко кисло морщился. Он давно знал цену людям. Пришел не из за них. Нет! пришел проститься — поговорить со своим бывшим другом, русским антибольшевицким деятелем... господином, господином... ну, просто, Митей — по старому.

По старому еще, по памяти о тех вечеринках, где пели девичьи голоса:

Ганзя моя, Ганзя мила,
 Чим ти мене опоїла?
 Чи любистком, чи чарами,
 Чи солодкими речами?...

Тогда эти песни, эти глаза любимых, эти синие ночи — заставляли забывать другое: схватки кровавые, беспощадную борьбу.

„Воспоминания волнуют, воспоминания жгут. Но предоставим их все же старым дедам; будем из настоящего делать свои выводы“, подумал Гребенко и улыбнулся; навстречу ему, пробираясь между мраморными столиками, шел его друг детства, „иногородний“ из его станицы — Дмитрий А.

* * *

Черный галстук на белой манишке. Глаза еще молодые, цыганско жгучие, еще дерзкие, несмотря на десять лет неудач. И только у молодого рта — складки боли и какая-то неуверенность в жестах.

Сидят. Пьют, конечно. Вспоминают.

И — дошли до того, ради чего встретились.

— Ну, вот и смотри, начал Гребенко, указывая своими серыми глазами на толпу эмигрантов, галдящую, размахивающую руками и — говорящую, говорящую, говорящую... — Смотри на этих. Вот вчера собрались было мы в экскурсию на озеро в четырех верстах от города. Простая вещь, казалось бы! Начали обсуждать маршрут. И что же, ты, думаешь? Прообсуждали это дело до пяти часов утра, да так и не поехали, разругавшись на чем свет стоит. Вот и смотри на этих болтунов, позеров, хвастунов, на этих „деятелей“ со стажами, с опытом, с „доверием масс“... Скажи откровенно — можно ли с ними, не то, что работать, можно ли с ними серьезно говорить? Нет!..

— Нет! — ответил Дмитрий.

— Дальше, — продолжал Гребенко, — пойми казачка. Кто воевал с ним в 1918 году, большевики? Чекисты?... Жиды? Да разве без Брусиловых, без Далматовых, без Клембовских и Гуторов, без Генштаба, разве были бы страшны кому-нибудь эти пьяные банды? Разве не служили им те генералы за совесть, прикрываясь фиговым листком какой то необходимости, какого то патриотизма? Разве не первый Керенский бросил в чернь призыв разрыва с Вольным Казачеством? Разве это не так?...

Молчал Дмитрий. Он помнил саркастические улыбки партийцев: „казачья интеллигенция“... такой нет. Это — полухамы... сепаратисты“... И тут, эти слова — полные правды.

Забарабанили пальцы по столу.

— Я уже не касаюсь причин исторических, — грустно сказал Гребенко и в голосе его прозвучала твердость, — работать так нельзя. Это значит — итти на самоубийство. Мы не имеем права!

Не имеем права!.. Вспомнилось мне синее небо, серебристая Кубань. На лодке плыли — мимо станиц... Народ — доверчивый, добродушный, мягкий...

Что же ты молчишь? В чем я не прав?...

— Добровольцы!.. Их была горсть. Это были, в лучшем случае, романтики, но вся Россия — Россия рабская, Россия татарщины и комунизма — шла на нас.

... В окне была черная ночь. Два друга смотрели в ее зияющую темноту... Один уже чувствовал под ногами — упругое... что-то похоже на берег родной Земли. Другой закрыл лицо руками. „Я совсем одинок“... Спорили эмигранты...

Дмитрий Сидоров.

Козаки про „Вільне Козацтво“.

... Читаючи уважно і з заінтересованням, навіть з захопленням Ваш шановний журнал, я не раз собі думав, якої велетенської праці було б dokonано за той час, наколи б він повстав не в 27 році, а принаймні десь там хоч в 24.

До сего часу ми не блукали б по різних роздоріжках політичних чи національних орієнтацій, а об'єдналися би хоч тут загрозицею в одну тісну козацю сімью і несокрушимими лавами протиставлялися би ворожим нападам і стриміли б до загально-козачої мети, підготовляючись до реалізації прадідівських завітів і наших мрій та стремління там на поневоленних просторах наших батьківщин.

Не знаю, як і хто росцінує оцей єдиний в своїм роді піонер наших козачих змагань — журн. „Вільне Козацтво“. Його появу я привітав з радістю, вірою і надією в його успіх в цім великім і славінім ділі. Хай же він буде для нас путеводною зіркою, яка своїм ясним промінням освітлювала б козаці шляхи тим, які ще стоять на роздоріжжю, або зовсім блукають в темряві Московського дурману. Хай столососою сурмою зве нас до великих вчинків, високого орлиного лету, бунтує кров і кличе на бій за волю і до помсти за всі криваві кривди, які були вчинені нам нашими відвічними ворогами...

... Там знайдеш правдиве висвітлення глибокої давнини козачої історії, хто ми і яких батьків діти. Під вражінням прочитанного в душі ростуть крила і хоч на час уявою і душевно перенесешся від цієї сірої бу-

денщини чужинської на лоно своєї рідної неньки Кубані, завітаєш у свою рідну станицю і дідівське гніздо, облетиш увесь Край...

... Ген за Кубанню синіють гори і приманюють до себе твої буйні фантазії, там — широкий степ зі своїми віковичними сторожами і німими свідками всіх подій, — задумливі, оспівані могили. Чути шелест трав і запах степових квітів, увесь степ — пшениця та рясні садки... А там, ген-ген, поміж розкішними зеленими станицями та аулами, уквічана квітами, оздоблена гучною славою, в'ється крутоберега та багатоводна Кубань. Чую шум і плюскот її вод, не грізний і побідний, а жалібний плач закованої в неволю матері... Але чую, що росте і те, від вибуху чого завалиться ціла гнила будова СССР...

... Там почуєш ніжну лірику української пісні, що дзвенить всіма тонами людської душі: віковичний шум синіх хвиль чарівного моря, і сумний козацький спів, що нагадує нам наше славне давнє і недавнє минуле, коли

козаці полки та батальони не знали страху перед ворогом.

... Здавалось би, що рідне козацьке слово мусить мати доступ до кожного серця і свідомості правдивого козака, здається, що ніхто не мусить ігнорувати його, бо воно є шире, рідне і правдиве. Той тільки не зрозуміє козацького поклику, хто і до сего часу зостався вірним слугою і рабом Московського лаптя, а хто є таким і до сего часу, тому не має місця в козацькій сім'ї, бо він по своїй психології вже не козак, а, як його охрестили Московські баре, вірний слуга — холоп.

Кожний із нас був свідком останніх трагічних подій, що з нами виробляли, навіть тоді, коли виїхали на наших спинах і нашою кров'ю цементували нам же, на нашій шії нове ярмо, а тепер, коли по їх вині (чого ніхто з нас незаперечить) опинились тут, то нас же в тім і обвинувачують, а слово козак псує їм добрий гумор. Невже ж і після цього ми ще не навчилися?

— Пора б уже взятись за розум!

Хв. Удовико.

Козацька старина.

Из прошлого казачьих эмиграций.

Мы — не первая казачья эмиграция. Были и перед нами те, кто вынужден был оставить свою родную Землю и искать пристанища на чужбине.

К сожалению, казаки очень мало, а то и совсем не знают об этих предыдущих эмиграциях; не знают, вероятно, и причин их, иначе иным бы было поведение многих тех казаков, которые еще недавно искренно хотели „спасать единую и неделимую“.

Было бы и интересно и полезно восстановить этот пробел и познакомить настоящую казачью эмиграцию с ее „предшественниками“. Скрудны, правда, пока материалы, сюда относящиеся, но постепенно, думаем, удастся это сделать.

Ниже мы помещаем выдержки из описания английского автора Мак-Фарлен (изд. в 1850 г.) эмиграции „первых“ кубанцев — донских казаков, переселившихся с Дона при царе Алексее Михайловиче на тогда еще турецкую Кубань и пополненных при Петре, а потом, после того, как правый берег Кубани при Екатерине II отошел к России, ушедших (1778 г.) сначала на Дунай а потом и в Малую Азию.

... „Один турецкий ефенди в Сизике описывал казаков Маньясских (Майносских) весьма спокойным, промышленным и честным народом, но очень нелюдимым... Он сознавался, впрочем, что сам никогда не бывал в колонии. Другой турок, напротив того, изображал их чрезвычайно зверскими и находил в них главный порок, что они не курят табаку. Один грек заметил, что они не пьют ни вина, ни водки...“

... Один молодой турок подтвердил ему прежнее сказание, что они гнушаются табаку — в его глазах знак неизяснимого зверства. Другие турки отдавали казакам справедливость, что они очень хорошие рыболовы“...

Селение их у турок называлось Козакли и лежало на самом берегу Майносского озера, в Малой Азии.

„Прибыв в селение (18 ноября 1847 г.), мы вступили в него хорошей, просторной, прямой улицей... Дома по обе стороны, казались опрятнее и несравненно лучше поддерживаемыми, чем все доселе нами встреченные“.

На краю озера путешественники встретили несколько „очень белокурых детей, опрятно и хорошо одетых, а потом двух или трех очень рослых и стройных женщин в коротких юбках. Все оне казались очень застенчивыми“...

Англичан проводили к дому атамана, постучались у одной весьма красивой двери.

Атаман был „высокого роста, с густой бородой и чистой, почтенной наружности. На вопросы, которые мы

предложили ему относительно этой любопытной колонии, он отвечал коротко, но довольно вежливо; сказал однако, что боится впустить нас в свой дом и подойти ближе, потому что слышал от своих людей, что в Константинополе свирепствует холера.

... Как ни была нам неприятна его осторожность, однако мы не могли не принять ее за некоторое доказательство цивилизации“.

Атаман (бей или староста) имел патриархальную осанку. Путешественники убедили его, что опасности заражения холерой нет и „он пригласил нас в свой дом, самый опрятный и бесспорно красивейший, какой мы только видели в Малой Азии“.

Первая горница, в которую мы вошли, была просторная гостинная, самый лучший покой во всем доме. Она была около 50 футов длиною и 25 шириною; стены ее были хорошо отштукатурены и выбелены, и на них не было видно ни одного пятна грязи и ни малейшей пыли. Крыля без всякого промежуточного потолка была из камыша, красиво вырезанного, красиво сложенного внутри; пол состоял из песка, смешанного с глиной, и был местами выложен раковинами и кремешками. Вокруг всего покоя находился выступ из стен, фута два вышиною и почти такой же ширины; этот выступ служил вместо дивана. Против самого входа были большие открытые двери, которые в холодную погоду завешивались коврами и через это отверстие мы могли видеть небольшой, крепко огражденный забором двор, по обеим сторонам которого были расположены небольшие спальни и другие комнаты.

У самого конца сада была перегородка из высокого камыша, красиво поставленная и перевитая; а позади нее находился птичий двор, вблизи же, несколько в стороне, другая подобная же стена, за которой скрывалась кухня; хорошая, широкая, гладкая дорожка, красиво выложенная камнями, вела от залы до конца сада. Все носило печать первобытной простоты, но было красиво, порядочно и чрезвычайно чисто, и все это произведено руками казаков“.

У атамана была дочка, высокая, стройная и опрятная женщина. Бей дал гостям угощение — завтрак. Вскоре пришел еще один седой казак и учитель, 38 лет от роду, первое дитя, родившееся в Казақли.

Их селение было основано 39 лет назад, донскими казаками, предки которых раньше были на Дунае (ушли с Дона, по преданию, за 280 лет) а когда Дунайская колония размножилась до того, что уже не могла питаться рыболовством, около 300 человек прибыло к Майносскому озеру и поселилось тут, где была хоро-

шая рыбная ловля и сообщение озера с морем. Потом там образовалось еще одно поселение с Дуная.

«Семейства этих сынов Дона были вообще очень многочисленны, и дети их очень сильны и здоровы.

Климат не производил на них никакого действия: они едва знали, что такое злокачественная малярия, хотя окрестности озера слывут весьма благоприятными развитию этой губительной болезни, и живущие в его бассейне турки беспрестанно страдают от перемежающихся лихорадок. Вид не только всех детей, но и всех взрослых женщин, которых мы видели, подтверждал справедливость вышеприведенного замечания: все они отличались здоровьем, свежестью, силой. Некоторые из детей были очень пригожи, с голубыми глазами и с белыми, как лен, волосами. Лицом они очень похожи на юных наших Нортумберландцев, детей юго-западного берега Шотландии, в которых много Датской крови. Сам атаман и другие старцы не имели, за исключением длинной их бороды, ничего восточного, а напротив вид совершенно западно европейский. Атаман с возвышенным челом и орлиным носом. Мы заметили здесь только одно калмыцкое лицо, именно у школьного учителя, родившегося в колонии.

Колония ныне *) считает 300 домов и 5 церквей. Нам сказали, что в селении 5 школьных учителей и 2 священника.

Казачи питают ненависть к России; однако, вся их образованность идет отсюда. Дети учатся читать и писать по русски. Атаман показал нам огромный том, в кожаном переплете с деревянными застежками... Другие их книги церковные, народные, повести и сказки. Школьный учитель обещал показать три или четыре весьма старые рукописи...

Сравнительно высокое образование донских казаков, их трудолюбие и порядок, чистота и красота их жилищ хорошо известны.

Колония этого племени, расположенная на островах, озерах и тонях Нижнего Дуная, состоит в случайных общинах с своею родною общиною на Дону, а отрасль Майноская пребывает в тесных сношениях с Дунайскою. И так, длинную и любопытную цепь русско-казацкое образование оживляется и поддерживается в этом углу Малой Азии.

Хозяева наши действительно гнушались табаком, как курительным, так и нюхательным; но они отрицали, будто не любят вина, водки или каких либо хороших крепких напитков. Это утверждение они указали на деле, весьма дружелюбно прибегая к нашей фляге.

Нам было сказано, что они не пьют из того же стакана или рюмки, из которой прежде пил кто либо чужой, и что если сосуд принадлежит им самим, то в этом случае разбивают его на куски и бросают в сорную яму, как нечто опоганенное или оскверненное. Они уверяли нас, что это справедливо только в отношении к мусульманам, и что они не пьют из того же сосуда после турка, потому что он всегда курит табак и не христианин. От курения табаку они воздерживаются... если табак и полезен телу (предохраняет от заболеваний), то он расстраивает и губит душу, кто курит — тот уже не христианин, так и Москали потому не христиане; турки только и делают, что курят; они поганые и за свое куренье пойдут во тьму кромешную.

Ни Русских, ни Греков они не считают настоящими христианами; говорят про них, что они вдалились в ереси, ввели новые обычаи и обряды и удалились от истинной старой веры, которая сохраняется только у донских казаков, да еще у немногих других, живущих в России.

Музыкальных инструментов они вовсе не имеют, по праздникам же они поют хором песни и пляшут под них.

Ныне в Майносской колонии считается до 500 взрослых мужчин. Они пользуются льготой от платежа податей; в случае войны обязаны только поставлять султану известное число всадников, именно: половину числа, способных носить оружие. По их словам,

в губительную для Турции войну 1828—29 г.г., они поставили 160 воинов, вооруженных пиками и служивших в иррегулярной коннице. Одни из них были убиты, другие умерли от болезней между Варною и Дунаем, но большая часть здорова и невредимо возвратилась к Майносскому озеру. Они очень крепкого сложения и каждая из женщин, которых мы видели, казалась как бы рожденною быть матерью грендеров.

Между тем, как мы беседовали с атаманом, женщины его дома входили и выходили, по своим домашним делам, без всякого замешательства: оне, казалось, вовсе не замечали нас и нисколько не смущались нашим присутствием, а между тем иностранцы для них диковинка.

Оне чрезвычайно трудолюбивы, расторопны и ловки: все обладали удивительною сноровкою.

Одна пожилая женщина принесла какую то жалобу атаману, который есть в то же время и старшина и судья колонии. Она стояла прямо посреди горницы, в позиции древнего витии, и одно мгновение точно имела позу дивной старинной греческой статуи, слышущей под именем Аристида Праведного. Она говорила с важностью и силой, без крика и площадных манер. Я желал бы, чтобы иные из ораторов нашей Нижней Палаты присутствовали при этом, чтобы взять себе назидательный урок у этой казацкой дамы. Хотя мы ни слова не поняли из того, что она говорила, однако мне стало жаль, когда она окончила свою речь.

Турок они презирают: „когда приходят они к нам без своего табаку и чубуков, то мы их пускаем в свое селение и позволяем им сидеть вне наших домов; но если приходят они сюда с шумом и буйством, как они обыкновенно делают это в греческих деревнях, то мы выгоняем их дубинами. Но, они почти никогда не тревожат нас. Турок не может путешествовать и совершенно пропал бы без трубки, а мы не терпим здесь курителей табаку, не хотим, чтобы селение наше опоганилось. Поэтому они держатся поодаль от нас и почти ничего о нас не знают. Мы ходим в их города и деревни и справляем немногие свои дела, но всегда принимаем меры предосторожности, чтобы не оставлять нашего села без надлежащего прикрытия. Если б мы этого не соблюдали, дома наши давно уже были сожжены и разграблены, и Бог весть, что случилось бы с нашими женами и детьми. Но ныне турки все трусливы, как бабы. Только некоторые из них шалят на озере Апполоновском“.

Политические учреждения колонии весьма демократические, хотя едва ли достаточные для теоретиков 1848 г., ибо прекрасный пол не имеет права голоса, а у мужчин они останавливаются на всеобщей подаче голосов. они преимущественно пользуются этой свободой при избрании гетмана или бея (атамана).

При таких выборах старейшины и отцы семейств собираются в главной церкви и подают голоса один за другим, без всякой баллатировки, и тот из кандидатов, который имеет за собой большинство голосов, становится беем, правителем на один год.

Иногда любимый бей удерживает это звание и два года сряду, без нового выбора. В важных случаях бей созывает совет старейшин. На решение бея в совете уже нет никакой дальнейшей апелляции. Впрочем, распрей в общине бывает немного, потому что они народ спокойный и порядочный и редко между собою ссорятся, разве иногда за чарою вина. У них вовсе нет тюрьмы. Нынешнему бею было 75 лет от роду и он имел вид, что проживет до ста лет.

Они всего более занимаются рыболовством, потом скотоводством, всего менее хлебопашеством. Они содержат свой скот на прекрасных, обширных естественных пастбищах по обеим сторонам селения, и на зиму припасают сено для скота. Почти каждый дом имеет

*) Т. е., в середине прошлого столетия. Ред.

свои сенокосы. Сено было хотя и не отличного качества, но вкусно и здорово, а не черно, как мы то видели в других деревнях. Каждый дом, кажется, также имел свою лошадь. Мы видели в деревне несколько быков и две или три порядочных коровы. Если поселенцы не заняты рыбной ловлей или приговлением рыб, то они пускаются в извозничество, перевоза для турок разные товары и произведения из города в город; их арбы собственной постройки, несравненно лучше всех, которые мы видели в этом краю или даже в Румелии. Возвращаясь домой со своего извозничества, за которое берут с турок особую наличную плату, они нагружают свои арбы пшеницею, ячменем, овсом и проч. для собственного своего потребления.

В деревне у них были четыре мельницы довольно простой постройки, которые, однако, гораздо лучше исправляли свое дело, чем турецкие.

Мука была лучше смолота и хлеб (печеный) вообще лучше всякого другого, какой мы отведали в Малой Азии.

Лодки их, виденные нами на море, выдолблены из дерева, как челноки индейцев. Оне очень тонки по бокам, но внутри скреплены ребрами. Дерево, обыкновенно ими на это употребляемое, есть малорослый, толстый черный тополь тамошних краев. Оне с обеих сторон остры, не плоскодонны, а имеют, напротив того, дно круглое, без всякого киля. На этих небольших утлых ладьях, казаки ловят рыбу в Майноссском озере, плывут по реке Кара-дере, текущей из озера в Рындак, спускаются по Рындаку в Мраморное море, переплывают это море до Родосто и Галлиполи, проходят чрез Дарданеллы, вверх по Эносскому заливу к Адрианополю или вверх по Солунскому заливу до Солуня; или же, принимая противоположное направление, пересекают Пропонтиду до Силиврии, оттуда идут в Царьград и на север чрез Босфор и вверх по бурному Черному морю до Дуная.

Английские моряки нередко, с изумлением, видят их во время этих поездок. Один член американского посольства, однажды, крайне изумился, увидя две из таких лодок, повидимому, не толще ореховой скорлупы, далеко в море, носимые ветром в черноморскую бурю. Если ветер не силен и попутен, они пользуются небольшим парусом, но по большей части идут на валах, придерживаясь берега. Нередко они берут с собой, в эти далекие поездки, также своих жен и детей.

У каждого из них есть родственники и друзья между дунайскими казаками, и некоторые из их семейств, каждые два или три года посещают своих родных.

На вопрос: не погибают ли некоторые из них на море? они отвечали: „очень редко“. Дело в том, что они отличные знатоки погоды и принимают всевозможное старание, чтобы не быть в море во время бури. Если погода не надежна, они не пересекают Мраморного моря или какого либо из его заливов, а плывут вдоль берега, пока не дойдут до Дарданелл или Босфора. По долговременному навыку они знают все бухты и губы вдоль по берегам, и, в случае противных ветров, втаскивают свои легкие челноки на какойнибудь уединенный берег и остаются там пока не утихнет буря. Сверх того, они могут, обыкновенно, рассчитывать на три или четыре месяца благоприятной погоды в году*).

В эти жаркие месяцы случается, что они принуж-

*) Г. Броун, член американского посольства, посетил другую казачью колонию на Дерконском озере, на европейской стороне Черного моря, верстах в 45 от Константинополя.

Он удостоверился, вместе со своим спутником, бельгийским пастором, что это также донские казаки и только часть того племени, которое поселилось на Майноссском озере. Во время его посещения налично было не более 50 казаков. Местоположение живописно и прекрасно. Это озеро Деркон должно быть хорошей станцией во время плавания их к Дунаю и обратно.

дены бывают перевозить свое челноки на арбах сухим путем: в одно очень знойное лето река Кара-Дере изсякла, начиная от устья своего на озере вниз до Балукли; посему они волоком перетаскивали свои лодки от берегов озера до одной знакомой им мызы и там, сняв их с своих арб, снова спустили на воду.

Отобрав от атамана все эти сведения, мы распространились со ним и прощлись с полчаса по этой любопытной колонии. Это было довольно длинное селение, отделенное большим пустым пространством, на котором стояли ветряные мельницы.

Простые дома были хотя и не так щеголеваты, как дом атамана, однако очень красивы и опрятны; хотя путешественники и входили в их небольшие дворы или садки, но ни один из обывателей не приглашал их войти далее. Очевидно, что они были несколько нелюдимы, но надо принять во внимание и то, что они боялись холеры и что мужчины были все в отлучке, в путешествиях или на рыбной ловле на верхнем краю озера.

Мы почти никого не видали дома или на улице, кроме жен и детей; а эти не говорят по турецки. Женщины были все босоноги и в коротеньких юбках, едва достигающих до икор. Впрочем, одежда их из бумажной ткани очень красива и опрятна. На голове оне носят яркого цвета платок.

Одежда детей более чем красива: она изящна и живописна; мальчики носят род туники (чекмень), спускающейся несколько пониже колен и шаровары. Туника красиво окаймлена вокруг шеи и вниз по груди разными яркими тесьмами.

Одежда старого атамана была такая же точно, как и мальчиков, за исключением красивых каем. Толстая бумажная материя чекменя также тепла, как сукно. Мужчины все носили меховую или кожанную шапку, плотно прилегающую к голове.

Две главные церкви очень красивы, просты и опрятны; одна из них снаружи оштукатурена и выбелена. Обе снабжены крестами, которые смело возвышаются с лицевой стороны здания и обе крыты красной черепицей, тогда как все прочие жилые дома крыты камышом.

Этот озерный тростник, достигающий здесь высокого роста, служит для многочисленных употреблений, как бамбук в Китае. Казаки делают из него прочные заборы, разного рода перегородки, летние паруса для своих судов, венгеря, ковры для лежания, покрывалы для своих арб, а дети делают из них стрелы, которыми иногда убивают рыб.

С одного конца селения до другого, везде чистота, порядок, деятельность и, сравнительно с другими местами в этом краю, некоторое изобилие и благосостояние“.

Другая известная казачья колония лежит недалеко от Синопа. Образование ее произошло при следующих обстоятельствах: когда в 1708 г. Некрасов с 7-8.000 человек ушел с Дона на Кубань в Войско Кубанское, которому султан дал земли для поселения, освободил от податей и дал многие иные преимущества, казаки поселились около Тамани, в 30 верстах от моря, и построили три городка: Хан-Тюбе, Кара-Игнат и Себелей. По прежней привычке они ходили за добычей на Черное море и в числе 500 человек служили Крымскому Хану.

В 1777 г., когда Кубань стала российской границей, казаки отошли к Анапе и поселились на землях Абазинского племени черкесов, между р. Закы и морем.

По присоединении Крыма, они ушли в М. Азию и часть казаков поселилась у Синопа, у пригородка Чершамба. Из Азии их выгнала чума и они переплыли на р. Днестр, где осели в слоб. Чобруги, в 80-х верстах выше Овидиополя. В 1787 г., не желая отойти в российское подданство, казаки перешли в Болгарию на р. Дунавцу и озеро Росельм, там их было до 1.200 дворов; в 1828 многие из них присягнули Николаю I и перешли в русское подданство.

Часть казаков в 1820-х годах продолжала жить около Синопа в сел. Кизил — Ермак.

Кубанские черкесы Натухайцы в то время твердо помнили о переселении их в Анатолию.

У черкесов они слыли под двумя названиями: Джилаль-Казак и Урусезий. Приезжавшие в 50-х годах

XIX ст. из Анатолии турки подтверждали нахождение там казачьей колонии.

Француз Ротье писал, что на руинах старых славянских колоний Загора и Конопля, при устья одного из рукавов р. Кизил-Ермак (древний Галис) живут касики запорожские, недалеко от Синопа.

Казачья эмиграция.

Из жизни казаков в Болгарии.

В нынешнем году стихийное бедствие, постигшее Болгарию, усугубило хозяйственный кризис. Даже временную работу, не говоря уже о постоянной, найти, особенно иностранцу, чрезвычайно трудно; заработная плата очень низка и часто едва хватает на дневное существование.

И, как будто предчувствуя грядущую холодную и для многих, по всей вероятности, голодную зиму, многие казаки и русские эмигранты стараются заблаговременно выбраться в страну с более лучшими условиями применения труда, — сейчас таковой для большинства является Франция.

Каждую почти пятницу с Софийского вокзала отправляется группа в несколько десятков человек к границам далекой Франции. Но прежде чем попасть в число отъезжающих „счастливых“, отъезжающим приходится пройти по многим мытарствам (оставляем здесь в стороне возню с паспортом, визами).

Монополию отправки во Францию, главным образом, взяли продолжающие еще прозябать штабы бывшей Белой Армии барона Врангеля. Правда, вывеска значит, что перед вами гуманитарное предприятие — „Помощь“ и штабного флага нет, но в действительности положение иное.

В число отъезжающих может попасть лишь тот, кто состоит в воинских частях(!), о чем должен представить удостоверение от своего ближайшего начальника(!) после чего его „дело“ идет по высшей инстанции (бывали случаи и вычеркивания из списков: — „Так начальство пожелало“).

После утверждения списков, идут различные хлопоты по отправке, они длятся довольно долгое время и также долго взимают с отъезжающих различные взносы, заблаговременно опустошающие и без того довольно легкий кошелек, с собранными тяжелым трудом деньгами. Различные взносы, „добровольные“ пожертвования прямо таки душат отъезжающего — тут и казна — мощна Николая Николаевича, тут различные фонды: то упокоения, то постройки памятника барону Врангелю и пр. Не забывают и устава (!) — подача рапортов начальникам об откомандировании в части, находящиеся (!) во Франции, знакомство с приказами новопомазанного „командующего“ ген. Кутелова и излишние своих верноподданнических чувств к „Вождю“.

Кроме этой „помощи“, есть здесь представитель от Каз. Союза И. К. Зенков, который также занимается отправкой казаков, но ему приходится делать большие усилия, чтобы во время отразить чинимые все время козни со стороны штаба (!). Казаку, обратившемуся за помощью к И. К. Зенкову, грозит исключение из „части“ и немалое неприятностей.

Часто бывали случаи, когда Ком. Дон. Армии А. Абрамов отказывал в просьбе казакам, присланным И. К. Зенковым, котор., как предст. Каз. Союза, является большим конкурентом в глазах „штабистов“.

Пройдя через длинную цепь обирательства „штабистами“, отъезжающий попадает на вокзал и едет в далекую Францию, зачастую не зная, что ожидает его там; но он рад, что наконец то выбрался из объятий и опекунов белых и былых „вождей“.

Тот же, кто сносно устроился здесь, остается в Болгарии, но жизнь его очень тяжела. Правовое положение эмигрантов, находящихся в Болгарии, очень скверное — он должен вооружиться несколькими докумен-

тами, выполнить много формальностей и все же остается существом бесправным.

Существует в Софии комитет по делам беженцев, во главе которого — бывшие „сливки“ и „бывшие люди“. Он задался благой целью — улучшить положение беженцев — и, конечно, „улучшает“. Чтобы получить право жительства на год, нужно около двух недель ожидать оформления со стороны „комитета“, куда нужно предварительно внести сумму в размере почти что десятидневной зар. платы и где приходится очень долгое время ждать. Везде „улучшают“, везде идут „навстречу“ беженцу — но он, к сожалению, не знает, куда обратиться и кому указать на произвол „помогающих“ ему. От платы освобождаются лишь чины армии (!).

Таким образом строят и возрождают Единую и Неделимую; так приводят в подданство „Вождю“.

В. Г.

Письмо из Канады.

... Я служу на фабрике, у одного англичанина и на всем готовом получаю по 50 дол. в месяц, пока закончатся полевые работы. Англичанин вежлив и предупредителен, и вся семья не такие х....., как р..... Работа по часам, стол великолепный, английский, но я не привык к нему и немного голоден — много всяких сладостей, а фундаментального нет; нет борща и хлеба черного. Варенье, пироги сладкие, печенье и так далее; очень много едят сладкого — просто поражаюсь я. Мне думается, если умрет англичанин, то спалить его и будет сахар.

Я с 1 апреля и по 10 июня только закончил посев. Погода стоит холодная и много дождей.

Я уже не эмигрант считаю, проживши год и более. Управляю теперь во время пахоты, посева, приходится также волочить и сеять 8 лошадыми; получаю цену, как все англичане. В общем, считаюсь специалистом дела. Ведение посева и хозяйства все иначе, нежели у нас и в Чехии. Живу среди англичан и начал уже болтать; понимаю уж разговор, но говорить еще очень плохо говорю; нет времени заниматься, только в воскресенье. Встаю в 4 утра, а на поле едешь в 7 утра; в 12 конец, 1 час отдыху и до 6 вечера; в 6 вечера ужин, уборка конюшни, дойка коров, корм свиней и в 10½ спать ложиться или в 10, не раньше. Устаешь очень здорово а в воскресенье спишь целый день, как байбак; позавтракаешь и до 12 дня спишь, а с 12 час. дня до вечера занимаешься, пишешь письма и починаешь одежду; и так дни летят. Вот уж 2½ месяца живу и кажется, что 2 недели. По всей вероятности проживу у него до 1 декабря, а там — не знаю; на зиму он не держит, да вообще в Канаде не знаешь, что и где будешь завтра. Да если-бы приехал прямо из Константинополя, то уже-бы был фармар и не думал о завтрашнем дне. Здесь приехавшим 4-м человекам, хорошим ребятам, обладающим здоровьем и не боящимся труда физического, через год можно купить 2 фармы с постройкой в рассрочку; 2 работать будут на фарме, а 2 в наемке; а через 2 года чистую будут иметь.

Одному невозможно. В городе на постройках домов и везде — работа самая дешевая от 3—4 дол. в день. Квартира с полным столом, комфортабельная — 20-30 в месяц, так что — в месяц чистого останется 40-50 д.; это с весны и до зимы; если кто хочет и не

имеет ревматизма, в лесу может зарабатывать от 25-30 в месяц до 1 апреля на всем готовом. Здесь дается земля на каждого приезжающего эмигранта по 160 акров (55 десятин) бесплатно, с условием только прожить на ней 3 года и обработать часть земли; тогда она останется в собственности, а другие 160 акров — по 3 доллара за акр, с рассрочкой выплаты на несколько лет.

Здесь степи похожи на наши сальские и климат подобен, но только больше ветра и холодней немного; есть провинции — что наш Кавказ — зимы нет, куда я думаю на зиму дунуть. Здесь до 40 миллионов акров земли отведены для поселения эмигрантов. Большой доход дает, как и всюду, овцеводство.

Здесь коннозаводчики, овцеводы и скотоводы — как у нас в Сальских степях, но не в моей провинции, а в Альберте. Кредит сельскохозяйственных машин и всего можно получить. Вообще здесь все делается в кредит и в рассрочку. Если имеешь 2 тысячи — в десять купишь состояние.

Перевезти можно, я думаю, небольшое количество чрез здешнюю компанию какую-либо лесопромышленную или другую, которая, я думаю, согласится по дешевой цене (в $1\frac{1}{2}$ цены существующей здесь) на 6 месяцев взять на работу; на этом она наживет, а люди будут в Канаде.

Вот недавно из России был духобор Веригин — представитель, и из России перевозит сюда всех духоборов; правительство дает им землю, а контора — земледельческие орудия в рассрочку.

Урожай здесь на акре самое плохое от 15 бушелей — 45 на акре. Цена бушеля 1 дл. — 1 дл. 20 ц. за бушель. Бушель равняется 1 пуд. 20 фун.

Первый год иммигранты на ферме получают от 25—35 д. в месяц, так как не знакомы с делом, а на другой год — по 50 в мес. Молотьба от — 5—7 дол. в день. Становка снопов — 4—5—6 дол. день. А в городе от 3—4 в день; языка знать особенно не нужно. Конечно, все в языке, но я говорю о черных работах. Кто хочет ехать сюда, должен в Праге купить книгу самоучитель „Нурока“ и пройти ее. Цены лошадей, скота овец и всему — наши, приблизительно на все довоенного времени.

Если Господь даст здоровья мне, то через несколько лет стану на ноги, а в Европе-бы здох и кроны не имел. Интеллигентам-белоручкам места здесь нет.

Б. Н.

М. Г. Г-н Редактор!

Не откажите в любезности, для пользы казаков напечатать настоящее мое письмо в журнале „Вольное Казачество“. Русских в Австралии всего лишь 3500 чел. со старой иммиграцией. Донцов знаю только 5 чел., уральцев около 70 чел.; там же и Атаман, генерал Толстов. Условия жизни и труда таковы:

Работу можно находить только черную. Оплата труда высокая; например юнионная ставка на тростниковых плантациях (одна из самых больших промышленности) — от $17\frac{1}{2}$ шиллингов в день и больше.

На рубке тростника зарабатывают от 1 ф. стер. до 2 ф. в день. Сезон длится по разному: с мая и июля по декабрь и январь, от 5 до 6 м-цев. Работать очень тяжело. Никому из нас, земледельцев, выполнять у себя дома не приходилось. На рубку новичку устроиться трудно, не имея знакомых, но все же устраиваются.

Полка тростника длится, в зависимости от дождей, 2—3 м-ца; оплата $17\frac{1}{2}$ шилл. в день, работа только 8 часов.

С апреля, а иногда раньше, начинается сезон сборки котона (хлопка) и продолжается до сентября. Эта работа легкая: зарабатывают по разному, в зависимости от урожая, но не меньше 10 шилл. в день, а некоторые до 1 ф. и даже больше. Эта работа легкая: на ней работают и женщины и даже дети. Средний рабочий зарабатывает за сезон до 50 ф.

Кроме того, есть сезонные работы на фруктовых и овощных фермах, где платят 3 ф. 18 шилл. в неделю. Сезон длится 2—3 м-ца, с сентября по декабрь. Эта отрасль работы и служит уделом русской эмиграции (эмиграции гр. войны), которая сосредоточилась главным образом, в штате Queensland. В других штатах заработная плата по другим отраслям стийт немного ниже.

Работу по специальности находить трудно. Хорошо устраиваются: каменщики, кирпичники, инженеры, механики. Получить место шофера трудно. Получить работу на фабрике или заводе трудно. В начале неудавшаяся попытка многих русских осесть на землю была неудачна только потому, что старались поставить дело сразу на широкую ногу.

В нынешнем 1928 году многие русские опять потянулись на землю, главным образом на хлопок. Правительство предоставляет землю на весьма льготных условиях и всячески поощряет земледельцев. Участок, например, в 400 акров — первый взнос 5 ф. и ежегодно по 5 ф. в течении 20 лет. Земля не составляет вечной собственности, а на 99 лет. Земля покрыта лесом; на очистку акра требуется не меньше 4 дней.

За последнее время стали устраивать хозяйства смешанные: сеют хлопок, держат коров, птицу, свиней.

Каждый участок должен быть обнесен колючей проволокой. Правительство отпускает кредит на обустройство хозяйства.

Одним словом, в Австралии есть широкое поле возможности прочно устроиться. На случай безработицы, правительство дает пособие в 15 шиллингов; в году не более 15 недель.

Некоторые из наших соотечественников, приехавшие в Австралию 3—4 года назад, имеют в банках по 300—400 ф. ст.; кое-кто имеют собственные дома.

По моему мнению Австралия одна из самых благоприятных стран, куда должна была бы стремиться казачья эмиграция.

Здесь, в молодой и культурной стране, мы нашли бы себе вторую родину. Прекрасный климат, зимы не бывает. Всеобщее, обязательное и бесплатное образование — с 6 до 14 лет.

Образ правления один из самых демократических. Много хороших порядков, чего нет в других странах. В госпитали принимают, не спрашивая, если есть чем платить.

Кредит на предметы первой необходимости всюду открыт. Прожиточный минимум в городе 25—30 шиллингов в неделю, в деревне 15 шилл. Масло, сыр, варенье составляют ежедневное блюдо.

Ехать в Австралию бояться нечего. Одна беда — проезд стоит слишком дорого. Билет от Марселя — 3060 фр. фр. Кроме билета, требуется 40 ф. стерлинг. предьявительских, а также нелегко добиться разрешения. Существует несколько способов в'езда в Австралию. Наиболее практичны из них для нас: достать рекомендацию 2-х известных лиц, лучше всего, из англичан; достать из госпиталя удостоверение в 2-х экземплярах: о здоровьи и о глазах. (В удостоверениях первых главным образом должно быть указано о том, что Вы боролесь против большевиков, что Вы честный и трудолюбивый человек; кроме того, Вы должны быть хорошего характера, указать точный адрес тех, кто Вас знает в Австралии. (Для получения таких рекомендаций очень хорошо пользоваться рекомендацией русских организаций). Иметь 3 фотографических карточки: приличной одетому и чисто выбритому. (Кроме того, в рекомендации указать, что Вы едете в Австралию занимаясь земледелием и намерены остаться там навсегда).

Все указанные документы в одном экземпляре (остальные оставить при себе) послать заказным письмом по адресу: Canberra Home and Territories Department Australia.

(Раньше был адрес в Melbourne).

Ответ будет не раньше как через $2\frac{1}{2}$ —3 м-ца; заявление должно быть на английском языке, кратко и ясно.

Второй способ: эти же документы отослать своему знакомому в Австралию, который и представит их; последний способ лучше.

Третий: — Ваш знакомый высылает Вам разрешение от Правительства; это разрешение Вы представляете опять таки при вышеуказанных документах английскому консулу на месте и получаете от него визу.

Во всех этих случаях обязательны 40 фун. пред'явительских.

Проехать зайцем или устроиться на пароход рабочим — неосуществимая мечта.

Четвертый Способ: в Лондое есть учреждение, ведущая дела эмиграции в Австралию. 40 ф. обязательны.

Пятый способ: Ваш знакомый дает за вас перед австралийским правительством гарантию и достает вам разрешение.

В этом случае 40 ф. необязательны.

Если вы способны к физическому труду, то вам есть смысл стремиться в Австралию. И наоборот: если вы неспособны, то знайте, что эмигранту легкого труда в Австралии не найти.

Привет вам, дорогие станичники; Казак Верхне Курмоярской станицы хутора Котельникова Донского Войска

Комаров, Иван Степанов.

27/VII-28.

В Казачьих Землях.

По вольным станицам.

(Из недавнего прошлого).

Из ряда станиц, проявивших в трагические 17—19 годы поистине сверхестественную самодеятельность, на одном из первых мест, без сомнения, стоит станица Казанская. Интенсивность ее была одинаково огромна, как в области уничтожения коммунистических основ, так и в деле созидания культурной свободной жизни, базирующейся на освященных веками устоях казачьей жизни: Станичном сборе и Атамане.

Пример ст. Казанской — верная гарантия, зрелость казачества для самостоятельной свободной жизни. Наглядный пример, что может сделать волевой народ, освободившийся от чужой, противной самому духу казачества, опеки.

До 17 года — обычная Прикубанская станица. Даже „сирота“. А по обилию в ней казаков с ампутированною ногою, которую им заменяют деревянные, прозванная „ходюльничкой“.

Казаки — типичные линейцы: легки, подвижны, проворны, смелы и задорны, но не особенно устойчивы. Кавалеристы — в рядах „гичей“; пластуны — скромны, обычные, рядовые, но в простоте своей умевшие выполнять тихо, без саморекламы и такие боевые задания, на которые часто и испытанные храбрецы неспособны.

По интеллектуальному развитию в в о й с к а х, сбор — ниже темижбекского, но здесь образцовое умение подчиняться большинству. Все распорядки Атамана — как-бы его личные, но на самом деле они нечто иное, коллективная воля выборных. Исключительность обстановки — диктует необходимость исключительных мер и форм самоуправления. И казаки, не изменив ни одному из традиционных устоев казачьей жизни, умело сочетали в своей станице диктатуру с парламентаризмом.

В лице своего атамана они имели не только власть исполнительную, но и власть законодательную, судебную и духовную. Их атаман — хорунжий П. одна из маркантийших фигур того времени. Тип первых золотоискателей во времена „золотой лихорадки“ в Клондайке. Энергичный, смелый и решительный до дерзости. Но вместе с тем и расчетливый, и хитрый, и „себе на уме“. „Простой“ казак, окончивший всего лишь 2-х классное училище, он отлично видел, что и для успешной борьбы с большевизмом и для консолидации внутренней жизни края, кроме силы оружия, нужны и силы знания.

Освободившись от необходимости на всякое и малейшее станичное предприятие ожидать одобрений от центральных Российских властей, которые, кстати сказать, были всегда отрицательные, казаки жадно набросились на введение в станице всех тех новшеств, от которых их так ревниво оберегала царская власть.

Казанцы немедленно упразднили основанную у них попами Второклассную школу, этот странный тип школ, готовящих полуучителей, полудьячков.

И открыли гимназию. И, несмотря на исключительно неблагоприятные условия, снабдили свою гимназию

и прекрасным физическим кабинетом и образцово оборудованными мастерскими, где казачата-гимназисты учились делать сами всё то, что нужно казаку в Войске и дома.

Все казачата, от 8 до 15 лет, организованы в сотни. Каждая сотня имеет своих сотенных командиров, взводных, отделенных. Школы обязательны. За „уклонение от школьной повинности“ налагается довольно ощутительный штраф. Все казачата — в черкесках, при кинжалах. Цвет папах по сотням. Джигитовка для старших школьников обязательна. Как обязательно и изучение какого нибудь ремесла.

Иногородние, которые за кратковременное господство большевиков, а с помощью революционного хутора Романовского „с головы изничтожали“*) казачество, были поставлены на свое место...

В станице проведена телефонная сеть. Поставлены ацетиленовые фонари. Заготовлен весь потребный материал для водопровода.

Словом, работа кипела, как в муравейнике. Каждый знал свое место, каждый умел ценить время, каждый сознавал, что все станицы — один боевой фронт, обращенный лицом к северу.

Кровавая борьба с большевиками и ничем не замаскированные к о н е ч н ы е ц е л и этой борьбы слишком глубокой пропастью раз'единили казаков и неказачков, чтобы можно было думать тогда о компромисном разрешении схватки или о сохранении status quo ante.

... Прихотливо извившаяся Кубань — то отрывает глыбы желтой земли от крутого Казанского берега, то скрывается в густой „строевой“ лес и без умолку лепечет что-то, направо — казачатам, что со смехом и визгом купают коней на „быстрине“, налево — черномазым черкесским мальчишкам, копошащимся в воде около „загаты“...

Наверное, рассказывает она, как там, под Армавиrom льют кровь за ее свободу их отцы и братья... Наверное зовет их:

Хасур, хасур, джичата!
Готовьтесь, хлопцы!..

Владимир К.

Конец войны казаков с большевиками.

(1919, 1920, 1921, 1922 гг.)

Борьба „за честь Казачества и за казачье Имя“ близилась к концу. Обманутые в своих ожиданиях, и в Туапсе и в Сочи, казаки, как загнанные в западную волки, находились на краю гибели.

В те роковые для нас минуты, мы увидели истинное лицо Добровольческой армии и многих „русских общественных людшек“, так гордо сейчас себя именующих — Россией в изгнании... Начну, впрочем, свой

*) И „изничтожили-бы“, если-бы не комиссар, тот-же хорунжий П.

рассказ с момента, когда мы — казаки — под Адлером и в Воронцовке в составе: 4-го б. Мамонтовского корпуса Донской Армии с частями 2-го Коноваловского корпуса, а также 4-х Кубанских корпусов в количестве 60.000 казаков с 3000 донских и кубанских офицеров, чиновников и попов — вынуждены были сдать на милость красных победителей. Страшной ненавистью горели сердца казаков к Добровольческой Армии. Что делалось с теми казаками, что были брошены в Новороссийске, я умолчу, а представлю другому казаку, участнику той драмы, описать ее.

Скорбит сердце и тяжелеет рука. Будьте вы прокляты, гг. белые генералы!

Условия сдачи были следующие: от казаков отбирали всех лошадей и все оружие — огнестрельное и холодное, „не именное“. Тогда кубанские казаки набросали в кучу 16.000 одних наганов. Сразу же 60.000 винов превратилось в беззащитных, обездоленных, бессильных людей. Стали детьми. Как бы не доверяя еще своей победе, красные никого не тронули. Многое, конечно, зависело и от умения ген. штаба генерала Морозова, ведшего переговоры и командовавшего Кубанским арьергардом. Переговоры велись с начальником 34-й стрелковой красной дивизии. Положение было отчаянное. За неделю до сдачи к красно-зеленым ушла 4-я сотня Баклановского полка, где были Донцы Арпачинского хутора. Позднее туда ушел и автор этой статьи. После сдачи, Морозова назначили временно командантом Туапсе с задачей рассылки и распределения казаков и выдачи им документов. Переходя из рук в руки красных командиров, казаки в Раздольной и в других местах были раздеты, а казачье обмундирование было заменено тряпками и мешками российского образца. Голодные, босые — кто подбивал шпалы, кто под улюлюканье и брань зарывали дохлых лошадей... Массы лошадей! так бессмысленно загубленное казачье добро.

Пока одни работали по побережью, других гнали в эшелонах от моря. До Куцевки были перемешаны Донцы и Кубанцы; как братья, уже стали они в одном великом казачьем горе. В Куцевке же остались одни Донские казаки. Здесь — на границе Всевеликого Войска Донского их задержали... Чувствуя неладное, со страшной опасностью для жизни пытались бежать некоторые казаки; удавалось немногим. Ушли только те, кто были из ближних станиц; остальных же постигла печальная участь. Где они — неизвестно. По слухам, пролетевшим по нашим станицам, их провезли в центральную Россию в забитых вагонах и... в Сибирь. Не имея еще под рукой точных информации, могу сказать, что в то время, как Калединовский полк уехал почти целиком в Крым, наш (64-й Баклановский) в полном составе попал в лапы большевиков.

О расстрелах мы слышали мало... Судьба офицеров была такова: они возвратились в Туапсе. Там же их погрузили на баржу и отправили в Новороссийск, отсюда через Екатеринодар — в Центральную Россию. Со слов, передавшего красным и служившего потом в Екатеринодарской (Краснодарской) че-ка офицера-армянина, их отвезли — в Тульскую, Московскую и др. губернии, при чем офицеров разбили на три группы: а) казаки, в) добровольцы, с) офицеры автономных республик: Азербейджана, Армении и Грузии. Третьей группой было предложено поступить на высшие политехкурсы.

Казаки же, захваченные в Новороссийске были, в составе 21-й дивизии и других, отправлены на польский фронт, где часть их и перешла на сторону поляков от прелестей Московско-русской картузной власти. Части казачьи рассеялись: кубанцы — по домам и в горы, донцы — кто куда; кто — к бело-зеленым, кто к красно-зеленым, кто — в Сибирь, кто — в Центральную Россию, кто — к полякам, а кто... на тот свет... Не рассказывай казаку ты Новороссийские вести!. Горе вам, любящие богоносный русский народ! — вот слова казаков в СССР. А добровольцы оставили по себе — скрежет зубовный, да сударожно сведенный казачий кулак...

... Но это было только начало нашего крестного пути. Не могу не рассказать один эпизод:

С бумажкой об отпуске, человек десять донцов пытается сесть на пароход в Ростове... Среди них — богатырь казак с рыжим чубом. Красные их не пускают. Каким то образом рыжий влез... Его заметили; со злорадством красноармейцы бросаются на него и втаскивают на берег... Как разъяренный лев, голыми руками борется казак; надулись жилы, загорелась казачья кровь... На берегу страшными усилиями расшвырял как щенят мужичков и чекистов и загремел на них: „я — вахмистр!.. я — казак Богаевской станицы, а вы — хамы, лапотники!“ Разорвана на груди рубаха, бешенством горят глаза и в них — слезы бессильной злобы, отчаянной гордости!.. „я — казак Богаевской станицы!“ И вот — борьба одного против пятнадцати... Надо взять живым... Скрутили казака!

Разве не дрогнуло наше сердце... Видели-ли вы лица остальных девяти казаков?.. Заплаканные и гордые... Сморщенные в гримасу физической невыносимой боли... Со всех сторон бежали красные. Волоком увели вахмистра. И будто день померк, и будто в стели кто-то тяжело и больно вздохнул... Может Дон?.. А? Может, Дон наш Иванович!.. Кормилец родной?.. Или старая задвленная мужичьими лапами мать - казачка?.. Братья казаки-заграничники! Многое при встрече расскажут вам ваши хуторцы и знакомцы. Ох, как много! о всякой Россиишке — и о красной, и о белой, и о черной...

О казачьих полках, и о каждом казаке сведения у красных были полные. Нередко красные прибавляли и службу и чины, чтобы запятнать тем, попавшихся в руки. Поплатились больше всего старики, принявшие участие в восстаниях; их сажали по несколько раз в тюрьму и ссылали.

Расскажу теперь о жизни на местах...

В низовых станицах, близких к Новочеркаску никого не трогали, даже и офицеров, но это продолжалось не долго; как только власть перешла в руку приехавшей чека, молодежь и коммунисты, заодно с Дон. иногородними (эти в первый момент были на стороне наших врагов) принялись чинить суд и расправу. Начались регистрации и допросы офицеров и военных чиновников. Все они были арестованы и отправлены в Новочеркасскую тюрьму. Некоторые были расстреляны, как например, командир партизанского отряда впоследствии присоединившегося к нашему Баклановскому полку — Полковник Боков. Его захватили в Заподенском хуторе у казака, по прозвищу Кузюрюпа. И полковник и укрывавший его казак были расстреляны.

Приведу вопрос пол. Бокова.

— Скажите, вы казачий генерал или полковник. Есть сведения, что вы — генерал.

На что Боков ответил: „Не генерал, а был только представлен“.

На вопрос: „За что?“ полковник резко оборвал комедию: „Значит, заслужил!“

После офицеров дошло дело и до казаков, до урядников, вахмистров, зажиточных казаков и стариков.

Начались побеги казаков из станиц. Привалившее из России стадо завоевателей, придавило и простых казаков. Стон пошел от безземелья. Хлопоты других казаков, даже шедших со стороны Красной армии, не вызволяли из тюрьмы раз попавших туда станичников. А когда стали хватать всех, камышан значительно прибавилось. Бежали, чтобы не очутиться в застенке. При намеке на арест уходили и бросали все. Первый сбежал есаул Беляикин М-ой станицы, после него вторым — я. Собрались туда: станичный атаман, хуторские атаманы и казаков человек восемьдесят, если не больше, это из одной станицы. Вооружение у нас было разное. Число казаков росло с каждым днем. Дошли к нам и офицеры Назарова, который с отрядом в 700 чековек, пройдя левой Новочеркаска, дошел до станицы Константиновской. Под ней у них завязался последний бой со стяннутыми частями красных, а так-же и с черкасским гарнизоном, в количестве 10.000 человек. Бой шел три часа. На каждого казака приходилось 14 красных, Отряд Назарова был разбит и 130 казаков, захваченных, были порублены и расстреляны, а список их, и каких они

станции, был напечатан в газетах. Лихим ударом одна конная группа, устилая путь своей трупами, прорвалась и переправилась через Дон, где и скрылась в казенном лесу — Казачий Хомутец. Здесь они — голодные, на измученных лошадях, были пойманы окрестными мужиками и побиты. Этих казаков было тридцать человек. Чудом спасшиеся дошли до камышан и тут, на дырявых каюках, одни казаки говорили другим о том, что было, и что Казачество гибнет, и что Россия с'ела казаков.

Так как части 8-ой армии и 6-ой были оттянуты на Крымский фронт, облавами занимались вооруженные мужики с родины Думенко. Были образованы облавные полки добровольческие и началась охота на последние жалкие остатки Донского Войска.

При облавах убиты: есаул Беляйкин, Извошниковы и Мамин. Прятались где могли, изредка обменивая драгоценную пулю на вражью жизнь; скрывались в выкопанных в степи ямах, вили гнезда в камышах или на каюках сидели, пожираемые комарами. мокрые и голодные. Если бы нам не было поддержки от своих, оставшихся в станице, давно бы подошли, как собаки. Иногда ночью, отчаявшись, казак подкрадывался, что вор, к собственному куреню или к куреню соседа, и ему, в слезах, выносили все, что имел... жадно поедая полученное, казак видел слезы и своих и чужих казачек и казачат...

Так как я решил сказать правду в глаза всем казакам, то продолжением моим будет дальнейшее наше скитание и борьба. Донцы бежали на Кубань в горы и принимали участие в самостоятельном казачьем движении в 1922-ом году, в котором около тысячи казаков, разбив красных, подошли к Екатеринодару и обложили его. Но об этом после. Кончаю словами стихотворения Павла Полякова, сейчас ходящего по рукам в станицах!

На Дон надвинулась крышка гробовая
Ты (Расея!) подавала гвоздей!

и еще:

Да, взбунтовалась Россия могучая —
Любы ей звоны оков...
Двинулись Ваньки несметною тучею,
Массой давя казаков!..

Р. С. Теперь и иногородние поняли какой они дали промах, и с нами идут.

Рассказ Степана Фарапонова.

Из письма с Кубани.

Эх, и жизнь у нас — лучше не говорить! как получила письмо от младшей дочки, так даже слегла от огорчения, — оказывается, она уж несколько месяцев переживала большие затруднения с домом, который у нас хотели опять отобрать: станицу перечислили в другой округ и „власти“ хотели воспользоваться случаем; не знаю надолго ли, но пока вопрос, как будто, улажен, но это вовсе не значит, что он опять не возникнет при „удобном“ случае. Такое то уж наше положение „як той горох при дорозі, хто не хоче, той і не скубне“.

Кому до того дело, что я его четырнадцать лет выплачивала по грошам, во всем урезывая от жалования, думала на старость угол будет и вроде пенсии, а вот что получилось; нельзя ни в чем и никогда поручиться теперь за завтрашний день.

Она бедняжка конечно без службы и работы, не пишет, чем живет, чтобы спрятаться от меня со своей нуждой, только призналась, что уж очень жутко было думать, что еще и на улицу выгонят, страшится наступающей зимы.

А в довершение всего была у нас по Лабе грандиозная буря, настоящий ураган, так здорово потрепала крышу, окна, забор, что и чинить не на что, у других же совсем хаты поразворочало а каких бед надедало по садах да на поле — и не описать.

Сама им ничем помочь не могу, просто страшно подумать, что бы я сама делала, не будь вашей помощи — итти под церковь с рукой, как наша полковница Р., у которой много детей за границей, не смогу, значит — ложись и помирай.

Теперь вот по слабости здоровья позволила себе роскошь — полбутылки молока в день, да иногда яблоки — дешевые; главным образом теперь на питании отдуваются арбузы и дыни, которые не дороги, а я еще к тому же умею по лицу отгадывать на базаре станичана-казака, которые тоже по лицу отгадывают „своих“ в городе — всегда уступят по весности и хорошее дадут. Вот было на днях купила арбуз за пятак такой, за который гривеник платят, и за 8 коп. бутылку молока (10—12 коп.), да еще и такое свежее, что два дня не скисло.

Бывает, что когда в город заезжают те, кто служили у сына, так тоже привезут в подарок, то муки, то пшена или еще чего, что никогда бы и не купила.

По истине можно сказать „казак казака видит издалека“, и понимают, и помогают...

Новые хлебозаготовки.

Работы по заготовке хлеба в Северо-Кавказском Крае в первой половине августа протекали далеко неудовлетворительно для советской власти. По словам начальника крайторга Иванова только одна Кубань к 11-му августа выполнила 54% августовского задания. В Донском и Армавирском округах ход работ слабый, еще хуже — в Терском округе. В округах — Шахтинском, Сальском и Донецком обмолот хлебов задерживался из-за дождей.

Трения между правительственными органами по закупке хлеба (Союзхлеб и кооперации — сельскохозяйственная и потребительская) продолжаются.

В Кубанском и Донском округах кооператоры, в погоне за хлебом, открыли близ элеваторов Союзхлеба будки и перехватывают хлебороб. везущих хлеб на элеватор. В Краснодаре на хлебном совещании член правления Кубанского Селькредсоюза Самотесов заявил, что с.-х. кооперацией сделано распоряжение, обязывающее пайщиков сдавать хлеб только с.-х. товариществам, под угрозой исключения из числа членов и лишения кредитов и отпуска товаров. Лопатинское с.-х. товарищество Армавирского округа отпускает шпагат только пайщикам, сдающим ему хлеб, а остальным не дает. Председатель потребительского о-ва „Верный путь“ в поселке Покровском Соломенского сельсовета Терского округа Глушкин на одном из собраний о-ва заявил по адресу агентов Союзхлеба — „если кто-нибудь придет еще сюда закупать хлеб, то мы набьем ему морду, зерно заберем, а деньги его останутся здесь“ (Известия 12 августа 1928 г.). Приемщики Союзхлеба в Воронцово-Александровском районе отбирают у крестьян путевки (сопроводительные документы) с.-х. кооперации на сдачу хлеба. Сельская государственная хлебозаготовительная организация получила от Донской конторы Союзхлеба циркуляр, в котором между прочим говорится следующее: „наша задача — побить в хлебозаготовках сельхозкооперацию и потребкооперацию... В заключение предписывается — „никаких согласований своих планов с местными организациями не производить“. В Ставропольском округе кооперацией распускаются слухи, что сдача хлеба законна только заготовителям кооперации, а Союзхлеб отказывается принимать хлеб по документам кооперативных учреждений, уничтожает их и не относит этот хлеб за счет кооперативов. Жители села Покрово-Соломенского подали заявление прибывшему к нам корреспонденту, в котором недоумевающе спрашивают: — не можем понять, кто же ведет заготовки по закону и кому сдавать хлеб“.

Кореновский элеватор (Кубань) платит за 16 кл. (1 пуд) зерна 1 р. 8 коп.; в то же время в районе Тихорецкой и Усть-Лабинской, где существует сортовой помол, платят за 16 кл. муки (сорт. помола) 5 руб. Отмечается усиленный вывоз хлеба в районы с сорто-

вым помолом из районов, к ним прилегающих (Известия 19 авг. 1928 г.).

На Черноморья на хлебных рынках появились частные скупщики ячменя по повышенным ценам.

„Хлебороб уменьшил привоз, ожидая к себе перекупщика — спекулянта“ говорит советская газета: „с ним проще — нет волокиты и обмана“.

Наркомторг С.С.Р. Микоян в своем докладе на всесоюзном хлебном совещании, отметив высокий урожай в восточных районах союза и б. низкий в южной и юго-зап., между прочим сказал следующее — „Увеличение сбора яровых культур при меньшем сборе озимых вызывает необходимость использования кукурузной и ячменной муки в виде примеси к пшеничной“. По поводу хлебозаготовительной кампании настоящего года Микоян выразился — „по всем звеньям нашей работы необходимо пройти железной метлой, очищая ее от безхозяйственности и добываясь максимума честности в работе и экономии в расходах“.

Как скупают хлеб „государственные заготовщики“.

„Эк. Жизнь“, 11 августа, помещает сообщение своего Северо-Кавказского корреспондента:

А ты „с ним“ много-то не калякай. Будешь калякать, — „его“ другой у тебя из-под носа уведет. Ты „его“ прямо под уздцы бери... Прямо под жабры его, стервеца хватай. Так в былые времена хлебный спекулянт-скупщик „инструктировал“ своего „молодца“ — приказчика, посылая его на скупку хлеба.

И „молодец“ хватал под уздцы подводы, тащил их по дороге к ссыпному месту, не жалея сил, валил с телеги на землю мешки с зерном и, убеждая растерявшегося хлебороба „побояться Бога“ покупал, в сущности говоря отнятое силой зерно, за бесценку.

Вы думаете, что теперь этот „метод“ закупки отошел в область предания? Что государственные заготовительные и кооперативные организации уже не держат „молодцов“ и не убеждают их брать севщика „за жабры“?

Екатеринодарская биржа труда может вас разубедить в этом. С началом новой заготовительной кампании, на бирже труда чрезвычайно увеличился спрос на работников по хлебозакупочному делу, которых набирают кооперативы в большем количестве, предлагая этим работникам оплату суточных или комиссионных с пуда зерна, купленного по путевкам. А в „инструкции по применению новых методов работы по хлебозаготовкам“, изданной Кубанской Краевой торговлей, говорится следующее: „уже сейчас со стороны хлебозаготовителей на местах применяются недопустимые приемы на мостах, дорогах, греблях, у ворот элеваторов, с целью отбить хлеб у своего „конкурента“, открытые кооперацией лабазов, будок волизи элеваторов с целью перехватить привозы, направляемые на элеваторы.“

Словом, кадрам „молодцов“, двинутых на хлебозаготовку, работы — хоть отбавляй.

Несколько более тонко, но в том же чайнии подкузьмить конкурента, подходят к делу работники Союзхлеба.

— Что? Ты с путевкой с.-х. кооперации прибыл? Серdito и раздраженно встречают ссыпщика на элеваторе. — Ну, ежели ты с такой путевкой, придется, друг, твой товар хорошенько пересмотреть, да хорошую скидочку сделать.

— Как, скидочку? недоумевает ссыпщик. Зерно первый сорт, надбавочку надо бы.

— И надбавили бы, ежели бы ты без путевки привез. И смотреть бы не стали — надбавили. А теперь сам виноват.

А кто же ее знал, — недоумевает хлебороб, мрачно залезая ногтями себе в затылок. — Известно — темнота наша.

— То-то и есть-то, назидательно говорят на ссыпке. Скажи там другим, чтоб не путались зря с этой кооперацией. Вас жалеючи говорим.

Так Союзхлеб добивается „сокрушения“ работы своих конкурентов.

Борьба за поднятие урожайности.

В половине августа в Ростове на Дону состоялся первый в СССР краевой с'езд по поднятию урожайности на Северном Кавказе. На с'езде присутствовало 358 делегатов и агрономов. Цель с'езда — поднятие сельского хозяйства и повышение урожайности. Отмечено систематическое понижение урожайности в Крае из-за недостатка средств, с/х инвентаря и тяговой силы. В наиболее богатом Кубанском округе имеется 50% безплужных хозяйств и более 40% безлошадных. Число агрономов возросло с 300 до 1200, но у них отмечается отсутствие навыка работать и слабая помощь коллективным хозяйствам. Агрономы, с своей стороны, указывали на тяжелые условия работы — особенно на недостаток а часто и полное отсутствие средств передвижения. Кубанский окружной агроном Яроцкий выбросил на с'езде лозунг „агронома — на коня“.

Опытные с/х. учреждения оторваны от массы хлеборобных хозяйств. Для борьбы с безхозяйственностью Край с'езд признал необходимым организацию окружных и районных с'ездов, посвященных под'ему урожайности. Выступивший на с'езде заместитель комиссара земледелия Р.С.Ф.С.Р. Клименко говорил о необходимости постановки опытов по машинотракторной обработке крестьянских хозяйств за определенную плату, для чего, по его мнению необходимо два совхоза превратить в машинотракторные станции, которые бы обслуживали 55.000 гектаров в районе станции.

Недостаток товаров.

О поступлении товаров в хлебозаготовительные районы (обещанных советской властью взамен закупемого хлеба) заместитель начальника крайторга Герцман говорит, что в наст. году колитество мануфактуры увеличено на 130 вагонов, а металов — на 4000 тонн. Но мануфактура поступит в кооперативы после нового года (в первом квартале 1929 года). Увеличение суконно-шерстяных товаров на 13% сможет удовлетворить потребности края только в размере 25%. Также обстоит дело и с кожей. товарами и обувью. Подошвенной кожей сельский потребитель и при увеличении завоза удовлетворен будет меньше, чем на 40%. Ощущается большой недостаток в сахаре; при чем заявки крайсоюза выполняются меньше, чем на 50-70%. Отмечается недостаток бакалейных товаров и частое несоответствие между спросом и привозимыми в деревню товарами. В прошлом году население края получило за хлеб 32 миллиона рублей, а в этом году оно получит 51,5 мил. рублей за свой хлеб. Таким образом, спрос сельского населения (только за счет средств от продажи хлеба) возрастет на 60%. „Этому возрающему спросу мы в состоянии противопоставить товары лишь в количестве, примерно равном прошлогоднему“ — сказал представитель власти Герцман. (Изв. 23 авг. 1928 г.).

Новый нефтепровод.

Между Грозным и Туапсе прокладывается нефтепровод длиной в 618 километров. Из 6 перекачечных станций построено 5. Трубы проложены на расстояние 568 километров. Работы задерживаются из-за плохого качества труб, которые поставяет завод Югосталь. Трубы невыдерживают испытания (75 атмосфер) и ломаются не только по шву, но и по телу. Нефтепровод предположено закончить к ноябрю настоящего года.

„Мы пахали“.

Максим Горький в Ростове на Дону, 18 июля, на митинге, устроенном на вокзале в честь его приезда, сказал: „40 лет назад я был в Ростове и грузил на

турецкие пароходы кожи. Сейчас Ростов из грязного пыльного, каким он был в то время, превратился в большой культурный центр“. Всем нам отлично известно, в том числе и Максиму Горькому, что Ростов стал большим торгово-промышленным и культурным городом не сейчас, а еще до водворения там милый его сердцу советской власти, и что эта власть никаких заслуг в деле благоустройства Ростова не имеет, а пользуется пока добром, чужими руками созданным.

Советские головотяпы.

Непростительная оплошность, по скромному определению „Экон. Жизни“, 17 августа, произошла в Майкопском округе. История, можно сказать, прямо сногшибательная и совершенно выдержанная в добром старом, давно всем надоевшем, советском вкусе. Гостор прислал в округ семена, которые по мнению агрономов были семенами кустовой фасоли, по мнению же местных агрономов они были смесью кустовой и вьющейся фасоли. Такую смесь высевать невозможно, так как кустовая поспеет раньше и ростом ниже, вьющаяся же ростом выше, поспеет позже и, таким образом, пока поспет одна, то другая, кустовая успеет осыпаться. Спор из за определения вида семян между аграномами был очень продолжительный. Выезжал из Москвы госторговский агроном, который не замедлил местных агрономов упрекнуть „во вредительстве“ и упорно настаивал, что то семена кустовой фасоли. Ввиду настояний московского высланца, фасоль высеяли в станции Белореченской на площади 15 гектаров. Когда фасоль поднялась, выяснилось, что кубанские агрономы были правы и выросшая фасоль была смесью двух несоединимых сортов.

Законтрактовавшие фасоль хлебобобы часть перепали, часть косят на корм.

Очередное „районирование“.

(Окончание.)

Округа Нижне-Волжского Края разделены на районы следующим образом:

1. Сталинградский округ. — 11 районов: Клетский (центр ст. Клетской), Дубовской (гор. Дубовка), Сталинградский (г. Сталинград), Иловлинский (ст. Иловлинская), Фроловский (х. Фролов), Нижне-Чирской (ст. Н. Чирская), Котельниковский (ст. Котельниково), Калачевский (х. Калач), Красноармейский (поселок Красноармейск), Ленинский (гор. Ленинск), Средне-Ахтубинский (Ср. Ахтуба).

2. Хоперский округ. — 10 районов: Урюпинский (центр ст. Урюпинская), Ново-Николаевский (ст. Ново-Николаевская), Негаевский (х. Негаевский), Алексеевский (ст. Алексеевская), Ново-Анненский (ст. Ново-Анненская), Преображенский (ст. Преображенская), Кумылженский (ст. Кумылженская), Усть-Медведицкий (ст. Усть-Медведицкая), Михайловский (ст. Михайловская) и Березовский (ст. Березовская).

3. Камышинский округ — 7 районов: Николаевский (центр — г. Николаевск), Камышинский (г. Камышин), Ольховский (с. Ольховка), Даниловский (слоб. Даниловская), Красноярский (с. Красный Яр), Руднянский (с. Рудня), Еланский (слоб. Елань)

4. Астраханский округ — 10 районов: Владимирский (ц. Слобода. Владимировка), Хараталинский (с. Харатали), Черноярский (село Черный Яр), Енотаевский (село Енотаевск), Красноярский (село Красный Яр), Астраханский (г. Астрахань), Икрянский (село Икряное), Камызякский (с. Камызяк), Зеленгинский (с. Зеленга), Марфянский (с. Марфино).

- 5. Саратовский округ — 10 районов
- 6. Балашовский „ 10 „
- 7. Вольский „ 9 „
- 8. Пугачевский „ 9 „

Работы по передаче территории ликвидированных губерний, уездов и волостей должны быть закончены не позже 15 августа настоящего года.

Постановлением В. Ц. И. К. и С. Н. К. Р. С. Ф. С. Р. от 14 мая 1928 года образована Средне-Волжская область из указанных выше губерний в составе 9 округов. Один из них — Оренбургский с центром в г. Оренбурге разделен на районы — Буртинский (центр село Ключковское), Ивановский (село Ивановское), Шарлыкский (Шарлык Михайловское), Каширинский (с. Каширинское), Покровский (с. Покровское), Краснохолмский (поселок Краснохолмский) Соль-Илецкий (поселок Илецкая Защита), Оренбургский (г. Оренбург), Петровский (с. Петровское), Троицкий (с. Троицкое), Ново-Покровский (с. Ново-Покровское), Орский (г. Орск), Домбровский (с. Домбровское), Кваркенский (пос. Кваркенский), Илекский (пос. Илек).

Передача территорий В. Ц. И. К. и С. Н. К. Р. С. Ф. С. Р. от 8 окт. 1923 г. („Известия“ № 175, 31 июля 1928 г.) М. М.

Северо-Кавказская хроника.

(По „Красному Знамени“, за неделю 15—22 VII с. г.)

Грозный. Чечней получено от центра 1500 руб. на перевод сочинений Ленина на чеченский язык.

Ростов Дон. Пущенная Электропромом 20 июля в ст. Староминской мельница сгорела. Убытки 200 тыс. рублей. Заведующий мельницей арестован, ведется следствие.

— Хлебофуражный баланс округа определяет валовой сбор хлебов в 76 мил. пуд., товарные излишки — в 36 мил. пуд.

— Президиум Горсовета удовлетворил ходатайство трудящихся евреев Ростова о передаче помещения бывшей хоральной синагоги под рабочий клуб.

— На левом берегу Дона у слияния Старого Дона и Нахичеванского протока обнаружены следы древнего поселения бронзовой эпохи.

— Ростовский и Новочеркасский подтехникумы объединяются в один Донской подтехникум в Новочеркасске.

Армавир. В ночь на 13-е августа в ст. Богуславской тяжело ранена селькорка армавирской газеты „Трудовой Путь“. Покушение произведено из мести за разоблачения.

— Сев. — осетинский облисполком ходатайствует в Крае о признании Цейского курорта курортом краевого значения.

Пятигорск. За год населением округа истрачено на спиртные напитки 4 мил. руб. и на религиозные обряды, содержание молелен — свыше 3 мил. руб.

Сальск. Принципиально уже решен вопрос о постройке в Сальске колоссального мясохладокомбината. Постройка обойдется свыше 5 мил. руб.

Баталпашинск. На руднике „Эльбрус“ в Карачае обнаружены новые мощные залежи серебряно-свинцовых и цинковой руды.

— Заканчивается устройство двух глубоких шахт по добыче азбеста. Карачаевский азбест будет серьезным конкурентом уральского.

Таганрог. В сарае таганрогского комхоза найдены в хаотическом состоянии денежные документы бухгалтерии за 24—25 годы. Ведется следствие.

Почтовый ящик.

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Австралия. — И. С. К. Письмо Ваше получили. То, что Вы пишете, заслуживает самого серьезного внимания и ответа более просторного, чем это можно дать в „Почтовом ящике“. И, конечно, часть ответов на свои вопросы Вы найдете в уже вышедших номерах „В. К.“, а на другие вопросы ответы будут в содержании последующих номеров журнала. Здесь, все же, можем коснуться некоторых моментов Вашего письма. „Идея прекрасная, что и говорить, но слишком запоздалая. Этот лозунг был необходим с начала и до конца гражданской войны“, говорите Вы. — В жизни отдельного человека могут быть моменты, когда действительно ничего другого сказать нельзя, как что уже поздно. Но для целого народа никогда и ничто не бывает поздно, тем более для народа осознавшего себя, знающего, чего он хочет, умеющего хотеть и имеющего волю добиться желаемого. Мы глубоко верим в Казачество, верим в его разум, верим в его волю, в его творческие силы и верим, что для Казачества, восстающего к новой жизни, ничто еще не поздно. Тяжело? — Правда, но что делать? — Один из политических вождей чужого нам народа сказал как-то, что трудности затем и существуют, чтобы с ним бороться.

„Та близорукость, которая была проявлена вождями Казачества в эпоху гражд. войны ныне, по моему мнению, неисправима“, утверждаете вы. — За близорукость некоторых вождей, конечно, поплатилось Казачество, а, может быть, придется еще кое-что и „приплачивать“, но... дело будет поправимо, если хотя теперь мы все не будем близоруки. Да и нельзя валить и за прошлое всю вину на „вождей“: были близоруки не только „вожди“, иначе они не попали бы в вожди! Ошибками прошлого нужно учиться, будем учиться и мы своими прошлыми промахами. А мы их все одинаково понимаем, подчеркиваем: все и Вы там в далекой Австралии и мы здесь в „старой“ Европе. Доказательство тому Ваши же собственные слова:

„Нужен был с самого начала гражд. войны тесный братский военно-экономический союз Дона — Кубани — Терека с соседкой Украиной и с народами Кавказа. Неискренний и неясный лозунг „единая, неделимая“, рабская услужливость вождей Казачества перед руководителями Добрармии, их политическая безграмотность — погубили Казачество. Как это не смешно — (но) догадались составить союз Дона — Кубани — Терека не в Новочеркасске и Екатеринодсre, а... в Константинополе... „Когда Деникин громил Раду, Круги молчали“...

— Теперь, когда мы додумались, чего нам не нужно было делать в прошлом, нам легко уже додуматься до того, что и как нам нужно будет делать в будущем. А потому — все в одни, свои ряды! Не поздно!

Браньск. — В. П. — Ждем следующее письмо. Ответ письмом послан.

Брно. — Союз Горцев. Просьба исполнена.

Варшава. — Х. У. — Дякуємо за добре слово! Такі листи надають нам сили. Вітаємо Вас і тих, хто з Вами.

Далмация. — В. К. — Письма и материал получены. Вам посланы письма. Жду ответ. Все же „до свидания“!

Пожаревац. — Л. Н. — Получено. Журнал посылается.

Радомышль. — Н. П. Посылаем.

Нови Сад. — Ф. П. Д. — Письмо Ваше от 6-IX получено. Ответ послан письмом. Привет братьям-казакам Ново-Садской станицы!

Ужице. — А. Г. — Все же первые Ваши письма пропали. Очень жаль. Открытки и письмо от 22-IX получены. Ответ пошлю потом письмом. Привет Вам!

Франция — С. М. — Четыре отрывка получены. По „адресу“ послано. Привет. Посылаю письмо.

Франция. — А. М. Л. — Письмо получено. Ответ послан. Присылайте. Привет всем!

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч. С. Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0.75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.